

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Николай Мурашкин

**От Эдо к Мэйдзи:
предпосылки, развилки
и парадоксы японской
модернизации**

Препринт М-86/21

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2021

УДК 330.342
ББК 65.9 (5Япо)
М91

М91 **Мурашкин Н. Ю.**

От Эдо к Мэйдзи: предпосылки, развилки и парадоксы японской модернизации / Николай Мурашкин : Препринт М-86/21. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. — 50 с. — (Серия препринтов; М-86/21; Центр исследований модернизации).

В данной работе рассматривается японская модернизация эпохи Мэйдзи и роль, которую в ней сыграло наследие эпохи Эдо. Объектом анализа служат как процессы в японской политике и экономике, так и международно-политический контекст XIX в. Исследуются критические моменты хода исторических событий и факторы успехов и неудач самой модернизации — в частности, действия и персоналии японских «модернизаторов» и условия внешней среды, в которой проводилось обновление страны. Параллельно вниманию читателей предлагаются размышления о возможностях экстраполяции и обобщения японского опыта как модернизации с «незападной» отправной точки в приложении к проблемам модернизации в других странах. Предпринимается попытка сосредоточиться на пересечениях между академическим японоведением и теориями модернизации за счет междисциплинарного исследования на стыке политологии, исторической социологии, экономической и интеллектуальной истории, а также сравнения модернизационных процессов в странах Восточной Азии и Евразии. Методологически работа опирается на рассмотрение и сопоставление российских, западных и японских вторичных источников. Особое внимание уделяется японским источникам — японоязычным и англоязычным, — включая малоосвещенные в русскоязычной научной литературе материалы и работы, еще не вошедшие в русскоязычный научный оборот: в частности, труды о модернизации Мэйдзи японских историков, политологов, экономистов и практиков, специализирующихся на вопросах развития.

Информация об авторе: Николай Юрьевич Мурашкин (nikolay.murashkin@gmail.com) — доктор философии (Ph.D.), научный сотрудник Института исследований мира и развития им. Огата Садако при Японском агентстве международного сотрудничества.

Введение

Осенью 2021 г. исполняется 150 лет с момента, когда японское правительство объявило о планах отправить в путешествие по Европе (включая Россию) и Америке особую дипломатическую миссию для сбора информации о западных странах и последующего использования в Японии полученных сведений. Этот японский эквивалент Великого посольства Петра Великого, впоследствии получивший известность как «миссия Ивакура»¹, стал одной из ключевых составляющих японской модернизации эпохи Мэйдзи, рассматриваемой в данной работе. При этом характерным отличием миссии Ивакура в сравнении с Великим посольством — если говорить упрощенно — была бóльшая по масштабу и проникновенности степень заимствований общественных институтов на родине участников миссий, хотя оба посольства в равной степени оказывались заинтересованы в передовых европейских технологиях, особенно включая промышленные и военные. Важной дипломатической целью миссии Ивакура при этом были усилия по пересмотру неравноправных Ансэйских договоров, заключенных сёгунатом Токугава с европейскими государствами и США в 1854–1858 гг., хотя основным из ее модернизационных эффектов стал информационно-образовательный.

Сама реставрация Мэйдзи, также известная и характеризующаяся как революция или консервативная революция², отметила свой полутора-

¹ В данной работе японские имена собственные не склоняются, при упоминании лиц фамилия идет перед именем. Автор выражает благодарность за консультацию следующим экспертам: Амацу Куниаки, Ёсида Рёсукэ, Конъя Кэнъити, Василию Молодякову, Ода Сатико, Оива Такааки, Оми Канако, Тамамото Масару, Фусими Кацутоси, Райану Хартли, Ярославу Шулатову и Ямада Кодзи.

² *Karube Tadashi*. *Toward the Meiji Revolution. The Search for “Civilization” in Nineteenth-Century Japan* / transl. by D. Noble. Tokyo: JPIC, 2019; *Молодяков В. Э.* «Мэйдзи исин» — консервативная революция // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 6 (первое изложение данной концепции); *Молодяков В. Э.* Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М.: Восточная литература, 1999; *Саркисов К. О.* От монархического конституционализма — к тоталитарной системе:

вековой юбилей в 2018 г., оживив интерес к этой давно и обстоятельно изученной в японоведении, но не теряющей актуальность теме³. Так, в самой Японии вскоре после юбилея была учреждена государственная образовательная программа по изучению японского опыта развития и модернизации для магистрантов из развивающихся стран. Примечательно, что в кратком описании программы прямо говорится о Японии как «незападной» стране или стране, начавшей модернизацию с «незападной» точки отсчета, но в этом контексте понятие «незападность» не подразумевает «антизападности», противопоставления по отношению к Западу или идее «Запада»⁴. При этом общеизвестно, что в отправной временной точке истории японской модернизации — последних десятилетиях сёгуната Токугава — японцы не только воспринимали европейцев и американцев как потенциальных противников, но и имели прецеденты боевых столкновений с ними в 1863–1864 гг., а в модернизационную эпоху Мэйдзи (1868–1912) и послемодернизационные Тайсё (1912–1926) и Сёва (1926–1989) участвовали в полноценных войнах против, соответственно, России, Германии, США и европейских колониальных держав в Азии: Британии и ее доминионов, Нидерландов и Франции.

На наш взгляд, эта формулировка в очередной раз подчеркивает особенность японской модернизации — целенаправленного обновления за

чему учит японский опыт трансформаций // Япония в эпоху великих трансформаций / под ред. Д. В. Стрельцова. М., АИРО-XXI. 2020. С. 17–18; *Мещеряков А. Н.* Трансформации эпохи Мэйдзи: государственное и телесное измерение // Там же. С. 81; *Swale A. D.* The Meiji Restoration: Monarchism, Mass Communication and Conservative Revolution. London: Palgrave Macmillan, 2009.

³ См., например: *Гайворонский К.* Ну и кто тут азиат? // Republic.ru. 5 марта 2021 г.; URL: <https://republic.ru/posts/99748>. Из относительно недавних информационно-развлекательных материалов, приуроченных к 150-летию революции Мэйдзи, можно отметить проект ТАСС «Анализируй Эдо» об эпохе сёгуната Токугава: URL: <https://edo.tass.ru/about.html>.

⁴ “Japan is the very first country and still is one of the very few countries that has modernized from a non-Western background to establish a free, democratic, prosperous, and peace-loving nation based on the rule of law, without losing much of its tradition and identity. I firmly believe that there are quite a few aspects of Japan’s experience that can be shared with developing countries today”; URL: <https://www.jica.go.jp/dsp-chair/english/dsp/message/index.html>. “Through the JGDP [Japan-Global Development Program], attendees will learn about Japan’s experience in national development. They will also develop theoretical frameworks for explaining how and why Japan’s national development path differed from that of Western nations”; URL: <https://www.jica.go.jp/dsp-chair/english/dsp/overview/index.html>.

счет обучения и заимствований у Другого, при этом сознательно поставленных на нужды Себя и не сопровождающихся отрицанием или потерей своей субъектности и идентичности. Или, говоря современным су-хим деловым языком, весьма высокую степень локализации в процессе заимствования «передовых практик», адаптивования их к местным реалиям при главенствовании последних. Так, в современной японской антропологической лексике, перешедшей в лексикон экономики развития, используется понятие «переводное внедрение» (*translative adaptation*, *хонъякутэки тэкио:*), обозначающее заимствование, именно адаптируемое к местным реалиям — буквально «переводимое» на местный язык, нежели насаждаемое без локализации⁵. Япония приемлемым для себя способом истолковывала и выборочно внедряла иностранную культуру, преуспев в адаптации к западным институтам без потери национальной индивидуальности⁶. И в целом японцы отмечают, что их страна за полтора столетия прошла путь от развивающейся до развитой, реализовав задачу «догнать Запад», и что в основе японского подхода к поддержке развития в развивающихся странах — в некоторых аспектах отличающегося от западных подходов — лежит опыт собственного развития, ведущий свой отсчет с конца эпохи Эдо и модернизации эпохи Мэйдзи⁷. Еще одним из принципов современной японской политики содействия развитию, ретроспективно возводимым некоторыми японскими экспертами

⁵ *Maegawa Keiji*. The Continuity of Culture and the Civilization // Japanese Views on Economic Development. London: Routledge, 1998. P. 166–177. Историческим примером подобного мышления служит философия государственного деятеля конца XIX — начала XX в. Гото Симпэй, считавшего, что трансплантация цивилизации должна уважать старые обычаи и происходить не «механически», как в физике, а, скорее, «биологически» (*Kitaoka Shinichi*. The Political History of Modern Japan. Foreign Relations and Domestic Politics / transl. by R. D. Eldridge, G. Leonard. London: Routledge, 2018. P. 83). О спорах вокруг имитационного подхода с некритическим копированием см. также: *Appadurai A*. The Nine Lives of Modernization Theory // Los Angeles Review of Books. 2020. June 26; URL: <https://www.lareviewofbooks.org/article/the-nine-lives-of-modernization-theory/>.

⁶ С одним из ранних обсуждений идей Маэгава и Оно о необходимости учитывать местные реалии применительно к постсоветским реформам можно ознакомиться в следующем материале: «Экономисты стран Юго-Восточной Азии достаточно здраво оценивают шансы Центральной Азии стать новым претендентом на “экономическое чудо”» (Казахстанская еженедельная газета Panorama. 1996. № 44); URL: <http://www.panoramakz.com/index.php/archive?y=1996&n=44>.

⁷ JICA Development Studies Program — Overview; URL <https://www.jica.go.jp/dsp-chair/english/dsp/overview/index.html>.

к преобразованиям Мэйдзи, является самовспомоществование, опора на собственные усилия (*дзидзёдорёку*, переводимый на английский как *self-help efforts*)⁸.

История мэйдзийской модернизации широко изучена как в российском, так и в зарубежном японоведении; в том числе известны и экономические реформы того периода⁹. В связи с этим в настоящей работе автор стремился сосредоточиться на рассмотрении перемен эпохи Мэйдзи и того «багажа», который Япония накопила в ходе эпохи Эдо, с точки зрения прежде всего теорий модернизации и развития. Высококачественной академической литературы об истории японской модернизации на русском языке хватает (впрочем, могло быть и больше), однако в ней в силу естественных причин и дисциплинарных рамок преобладает либо подход историков-японоведов, либо подход теоретиков модернизации. При этом степень ознакомленности русскоязычного читателя с историей Японии Нового времени и современной историей Японии в целом, увы, ниже, чем степень ознакомленности с аналогичными периодами истории европейских государств. Соответственно, в настоящей работе предпринимается попытка сосредоточиться на пересечениях между различными взаимодополняющими областями знания. Предполагается, что опыт японской модернизации может служить источником содержательных уроков для процессов модернизации в России и других странах.

Данная работа междисциплинарна по своему характеру и концептуально расположена на стыке политологии, исторической социологии, экономической и интеллектуальной истории, а также компаративистики, то есть сравнения модернизационных процессов в разных странах. Методологически работа опирается на рассмотрение и сопоставление российских, западных и японских вторичных источников. Особый упор делается на японские источники, как японоязычные, так и англоязычные,

⁸ Japan International Cooperation Agency, Follow-up cooperation; URL https://www.jica.go.jp/english/our_work/types_of_assistance/tech/follow/index.html; беседа с сотрудником Японского агентства международного сотрудничества, февраль 2021 г.

⁹ Япония: опыт модернизации / руководитель проекта Э. В. Молодякова; отв. ред. Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарян. М.: АИРО-XXI, 2011; Япония в эпоху великих трансформаций / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: АИРО-XXI, 2020; История Японии. Т. 1. С древнейших времен до 1868 г.; Т. 2. 1868–1998 / под ред. А. Е. Жукова. М.: Институт востоковедения РАН, 1998; *Jansen M. B. The Making of Modern Japan*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000; *Kitaoka Shinichi. The Political History of Modern Japan*; *Kitaoka Синъити. Нихон сэйдзиси: гайко то кэнрёку, дзёхан*, Токио: Юхикаку, 2011; 2-е изд.: 2017.

включая мало освещенные в российской научной литературе материалы и работы, еще не вошедшие в русскоязычный научный оборот, — в частности, труды современных японских историков, политологов, экономистов и практиков, специализирующихся на проблемах развития. Одним из основных аспектов, которые настоящая работа ставит своей целью подробно осветить, является комплекс обстоятельств исторического пути Японии, к середине XIX в. заложивших основу для успехов и неудач японской модернизации. Значительное внимание уделяется не только внутренней японской политике и экономике, но и международно-политическому контексту XIX в.

Напомним вкратце последовательность ключевых событий японской модернизации XIX в. и предшествовавшего им периода. В 1600 г. победа военачальника Токугава Иэясу в сражении при Сэкигахара окончательно поставила точку в феодальной раздробленности «эпохи воюющих провинций» Сэнгоку (1467–1573) и завершила объединение страны периода Адзуты-Момояма (1573–1603)¹⁰. Начиная с 1630-х гг. Япония, находившаяся под властью сёгунов из рода Токугава, преемников Иэясу, окончательно перешла к политике самоизоляции страны, при этом сохраняя связи с Нидерландами¹¹, цинским Китаем и Кореей. В середине 1850-х гг. сёгунат Токугава был вынужден открыть страну для внешней торговли под давлением «дипломатии канонерок» со стороны США и европейских держав, подписав в 1854–1858 гг. ряд международных договоров, ставших неравноправными в отношении Японии. В 1853–1867 гг. по всей Японии и в каждом княжестве шли политические споры между сторонниками изгнания иностранцев и сторонниками открытия дверей и импорта технологий. Другим предметом споров было, кому руководить Японией, выводя ее из этого национального кризиса, — сёгунскому правительству или императору¹². В результате нараставших

¹⁰ Иногда в качестве конечной точки эпохи сражающихся провинций указывается 1615 г. — год взятия Осацкого замка сёгунатом.

¹¹ Нидерландцы остались единственными европейцами, кому было разрешено торговать с Японией после изгнания португальцев сёгунатом в рамках борьбы Токугава с распространением христианства и в целом консолидацией власти над страной, включая внешнюю торговлю. Нидерландцы, как правило кальвинисты, готовы были вести торговлю, не увязывая ее с миссионерством, видевшимся Токугава одной из угроз идеологическому контролю.

¹² Ohno Kenichi, *Economic Development of Japan*; URL: https://www.grips.ac.jp/teacher/oono/hp/lec_J.htm. Настроения эпохи характерно выражают лозунги оппонентов сёгуната: «почитание императора – изгнание варваров» («сонно:-дзэ:и»),

внутренних противоречий и последовавшей вскоре Войны Босин — относительно краткой гражданской войны между сторонниками сёгуната Токугава и восторжествовавшими в конечном счете его противниками, объединившимися вокруг императора в 1867–1869 гг., — в Японии произошла реставрация императорского правления с дальнейшей стремительной модернизацией и открытием страны миру.

Слово «дальнейшей» здесь не случайно, поскольку и модернизация, и открытие страны по факту были начаты еще в конце правления Токугава — периодом, известным как *бакумацу* — самим сёгунским правительством *бакуфу*. Например, лозунг «богатая страна, сильная армия» («фукоку-кё:хэй»), ассоциирующийся с эпохой Мэйдзи, был уже в ходу в это время: укреплять армию начал и сёгун — по французскому образцу, — и одновременно некоторые феодальные княжества, в частности Сацума и Тёсю, ставшие оппонентами сёгунского правительства. Однако, несмотря на ощущение японскими элитами критической угрозы безопасности, исходящей от западных стран, сёгунат вел свою модернизацию неэффективно, медленнее и менее успешно, чем упомянутые княжества, а также натываясь на сопротивление консерваторов из привилегированных самурайских феодалов *фудай*, кому прежний статус-кво благоприятствовал. Не увенчались успехом и попытки договоренностей между сёгунским правительством и оппозицией о мирной кооптации последней в структуры власти. Историческая ирония состоит в том, что свергнувшие сёгунат и проводившие в итоге модернизацию Мэйдзи низкоранговые самураи из кланов Сацума, Тёсю, Хидзэн и Тоса поначалу, на этапе «внутривидовой» борьбы за высшую власть с Токугава, формально выступали за «изгнание [западных] варваров», а придя к власти, продолжили курс на открытие и модернизацию страны, впоследствии успешно пересмотрев и неравноправные договоры с Западом¹³.

Вместе с тем, сменяя друг друга, в том числе за счет столкновений между собой, модернизаторы — в большинстве своем из привилегированного военно-бюрократического самурайского сословия — менялись и сами в процессе модернизации: с одной стороны, теряя старые привилегии, по сути, вплоть до самоупрезрения как сословия, а с другой стороны, получая верхние позиции в новой структуре власти. Тем самым,

«почитание императора – долой сёгунат» («сонно:-то:баку») и «изгнание варваров — восстановление старого императорского правления» («дзё:и-фукко»).

¹³ *Iokibe Kaoru*. Independence and Opposition: Consequences of Treaty Revision in Meiji Japan // University of Tokyo Journal of Law and Politics. 2012. Vol. 9.

отважившись не только на перезагрузку страны, но и на самоперезагрузку, причем не только в условиях внешней угрозы безопасности, но и в результате этой угрозы, сохранили свое доминирующее положение в новой политической конфигурации. Разумеется, здесь не следует усматривать некоей изначальной заданности траектории, воспринимая действия модернизаторов и произошедшее с ними телеологически — и уж подавно конспирологически — как последовательную и предопределенную цепь событий от начала до конца: они шли на риск и жертвы (включая в отношении себя самих), адаптируясь к меняющимся обстоятельствам и постоянно возникавшим новым кризисам и препятствиям.

Как следует из названия данной работы, в ней сначала подробно рассматривается хронологически предшествовавшая Мэйдзи эпоха Эдо как, на первый взгляд, противоположная по характеру из-за долгого застоя, однако при более тщательном рассмотрении оказавшаяся и питательной, плодородной средой, в которой стала возможна модернизация. Затем анализируются критические моменты хода исторических событий и ключевые факторы успехов и неудач самой модернизации с пристальным вниманием к действиям самих «модернизаторов» и условиям внешней среды, в которой они проводили обновление страны. Вниманию читателей также предлагаются размышления о возможностях экстраполяции и обобщения японского опыта в приложении к проблемам модернизации в других странах. Такой анализ неизбежно затронет обе стороны споров о первичности институтов или историко-культурных факторов для успешного развития, однако заранее оговоримся, что в данной работе не ставится цель дать окончательный ответ на вопросы этих дискуссий.

Мэйдзи и модернизация: значения и нюансы

Перед тем как перейти к содержательной части работы, договоримся о терминах, что, в свою очередь, поможет прояснить актуальность темы для современного читателя. Как упомянуто выше, в отношении политических событий и перемен эпохи Мэйдзи в зависимости от точки зрения исследователя и конкретного аспекта темы используется ряд терминов: реставрация, революция, консервативная революция, великая трансформация, переворот и т. д.¹⁴ Применительно же к теме модернизации и с

¹⁴ В российском японоведении объяснения этих терминов и дискуссии вокруг них подробно представлены в следующих работах: *Молодяков В. Э.* «Реставрация»,

учетом идеографической системы письменности в Японии важно напомнить, что само сочетание иероглифов Мэйдзи (明治) означает «просвещенное правление» или «светлое правление», а перемены того времени обозначались в оригинале как «исин» (維新).

Остановимся подробнее на трактовке значений слова «исин». Этот термин, как и его оригинал в китайском языке *вэйсинь*, означает «обновление» или «реновацию». Согласно Константину Саркисову, «в истории Кореи, в языке которой заимствования из китайского также доминируют, великие события обычно тоже обозначались этим термином»¹⁵. Василий Молодяков, обосновывая трактовку Мэйдзи исин именно как консервативной революции, отмечает сочетание «связи» и «новизны», на которое указывают значения иероглифов, составляющих слово «исин»¹⁶.

Консервативный аспект мэйдзийских преобразований подчеркивает и новозеландский ученый Алистер Суэйл, указывая на то, что их главные инициаторы не были ни сторонниками радикального либерализма, ни, по сути, западниками. Большинство, согласно Суэйлу, были прежде

«революция» или...? (К вопросу о характере «Мэйдзи исин» в контексте всемирной истории) // Восток (Oriens). 2002. № 3. С. 53–62; Стрельцов Д. В. Опыт политической модернизации Японии новейшего времени // Япония: опыт модернизации. С. 86–87; Молодяков В. Э. Мэйдзи исин: японская консервативная революция // Вопросы национализма. 2014. № 18. С. 147–164; Введение // Япония: 150 лет революции Мэйдзи. Исследования российских и зарубежных ученых, посвященные 150-ой годовщине революции Мэйдзи / под ред. А. В. Филиппова, Н. А. Самойлова, Е. М. Османова. СПб.: Art-xpress, 2018; Саркисов К. О., Стрельцов Д. В. Введение, Япония в эпоху великих трансформаций; Панов А. Н. Великая трансформация эпохи Сёва // Япония в эпоху великих трансформаций.

¹⁵ Саркисов К. О. Япония в эпоху великих трансформаций // Япония в эпоху великих трансформаций. С. 17.

¹⁶ «Если следовать значению иероглифов, составляющих слово *исин*, то *и* – “связывать” (в сочетаниях), как определяет его лучший отечественный иероглифический словарь Н. И. Фельдман-Конрад; иероглиф *син* (атарасий) имеет значение “новый” и трудностей в переводе и трактовке не вызывает. Тот же словарь переводит *исин* как “обновление” (!) с пометой “ист” в словосочетаниях к иероглифу *и*. Так что расхожий перевод слова *исин* как “реставрация” в данном случае принадлежит историкам, а не филологам и лишь отражает взгляды конкретных интерпретаторов событий. Примечательно, что в японско-русском словаре, рассчитанном на массового читателя и выдержавшем много изданий, в качестве перевода слова *исин* уравниваются без каких-либо оговорок и пояснительных помет значения “реставрация” и “обновление”, которые в русском языке едва ли возможно признать синонимами» (Молодяков В. Э. Консервативная революция Мэйдзи исин и модернизация // Япония: опыт модернизации. С. 71–79).

всего «консерваторами, хотя и консерваторами самых разных оттенков»¹⁷. Хотя это утверждение Суэйла представляется частично спорным ввиду различного отношения к Западу и идеям либерализма среди ключевых деятелей Мэйдзи, при этом не вызывают разногласий как констатация элитистской природы модернизаторов — их принадлежность к самурайскому сословию, пусть и зачастую к низкоранговым семьям — так и сам вектор мэйдзийской модернизации «сверху вниз». Как отмечает Дмитрий Стрельцов, «серьезного кризиса традиционных институтов, включая деревенскую общину, в Японии периода становления модернистского государства, в отличие от Запада, не происходило. Наоборот, эти институты выступили в качестве идейной опоры нового режима и позволили перейти к новой политической модели с наименьшими социальными и политическими издержками»¹⁸.

Другое дело, что одни из ключевых реформ самурайских реформаторов заключались в упразднении сословий феодальной эпохи, включая собственно самурайское, и самурайских же привилегий. Не каждая консервативная элита или сословие, эту элиту формирующее, отважится на такую «самоперезагрузку», очевидно чреватую множеством рисков. Однако осознание проблемы отставания Японии, угрозы ее безопасности извне и элитизм, видимо, этот страх самосохранения и самовоспроизводства пересилили. Что еще важно, Суэйл обращает внимание на такой признак консервативности многих мэйдзийских реформаторов, как встречающийся в японском государственном управлении и политике развития по сей день принцип *дзэнсинсюги*, переводящийся как «градуализм» и ставящий во главу угла постепенность, плавность, поступательность реформ, а не их шокость и стремительность — о нем речь пойдет ниже.

Реформы Мэйдзи стали называть «модернизацией» ретроспективно, постфактум, однако нередко здесь упускается из виду важный нюанс — привязка к «Западу» не столько в пространстве, сколько во времени и конкретном «агрегатном состоянии». Важным слоганом ранней фазы преобразований Мэйдзи был *буммэй кайка*, что означало «цивилизация и просвещение». И реформаторы, и ключевые мыслители эпохи Мэйдзи под «Западом» как ориентиром и моделью для модернизации подразуме-

¹⁷ Swale A. D. The Meiji Restoration: Monarchism, Mass Communication and Conservative Revolution. P. 3–9.

¹⁸ Стрельцов Д. В. Опыт политической модернизации Японии новейшего времени // Япония: опыт модернизации.

вали не столько абстрактные европейские государства и США вообще («в вакууме», как сказали бы в интернете), сколько современное на тот момент состояние этих стран. Иначе говоря, речь шла не о западной цивилизации как таковой, а о ее достижениях на конкретный момент времени — XVII–XIX вв. Тем самым подчеркивалось, выражаясь идиоматически, что современной цивилизацией не рождаются, а становятся: «Запад»¹⁹ далеко не на протяжении всей своей истории обладал технологическими и организационными преимуществами, а значит, речь шла не о чем-то имманентно присущем, а западными странами недавно достигнутом²⁰ — и следовательно, достижимым и для Японии, которой надлежало догнать «Запад» из положения отстающего и *войти* в круг преуспевающих (но и не «превратиться в Запад»). Так, в известном эссе 1885 г. «Дацуа-рон» (脱亜論), приписываемом мыслителю и важнейшему интеллектуалу японской модернизации Фукудзава Юкити²¹, словосочетанию «западная цивилизация» регулярно предшествует уточняющий, по сути, эпитет «недавняя» (近時) в значении «современная». Справедливо было бы заметить, что подобное мышление, фактически отвергающее детерминизм, было особенно (если не парадоксально) прогрессивным для людей, родившихся и выросших в ригидном сословном обществе, каковым являлся сёгунат Токугава. Иными словами, японские модернизаторы воспринимали «Запад» не как некую константу, постоянно превосходящую другие цивилизации, а как меняющуюся во времени переменную.

В этом также состоит отличие японских дискуссий о модернизации от российских, где уже не первое столетие внимание участников и пред-

¹⁹ О внутризакладной дифференциации различных видов модернизации — опыте реформ в различных европейских странах см.: *Травин Д., Маргания О.* Европейская модернизация. М.: Terra Fantastica; АСТ, 2004.

²⁰ *Fukuzawa Yukichi.* An Outline of a Theory of Civilization. / transl. by D. A. Dilworth, G. C. Hurst III. New York: Columbia University Press, 2009. P. 17–19; *Janzen M. B.* The Making of Modern Japan. P. 358.

²¹ Существует несколько вариантов перевода слова «Дацуарон» на русский язык — например, «Бегство из Азии», — хотя, на взгляд автора данной работы, сугубо в семантическом плане логичнее было бы говорить о «покидании Азии» или «прощании с Азией», а то и «деазиатизации», однако контекст публикации прежде всего фиксировал недовольство автора буксующей модернизацией в цинском Китае и Корее, что, в свою очередь, имело и подспудное внешнеполитическое значение ввиду интересов Японии в этих странах. Авторство Фукудзава не оспаривается, однако публикация — редакторская колонка в газете «Дзидзи Симпо» — вышла анонимной, а самому Фукудзава приписывалась посмертно издателями его сочинений.

мет разговора нередко смещаются с сути обсуждаемых преобразований на споры о принадлежности или соответствии России той или иной цивилизации. Японцы, как представляется, в этом плане свою модернизационную полемику вели несколько более продуктивно и практично, с меньшими эмоциональными метаниями по поводу идентичности и субъектности.

Вместе с тем многое здесь зависит и от гибкости определения самой «модерности». Как отмечает вышеупомянутый антрополог Маэгава Кэйдзи, до 1970-х гг. японские культурные черты считались «домодерными», что формировало в японских интеллектуалах чувство культурной неполноценности. В 1980-х гг., по мере развития школы экономической антропологии Полани и релятивизации понятия «модерности», а также по мере успешного превращения Японии во вторую экономику мира, те же культурные различия стали рассматриваться как положительные и заслуживающие поощрения.

Согласно Маэгава, процесс японской модернизации от прибытия европейских и американских «черных кораблей» в конце эпохи Эдо по настоящий день являлся в глобальном плане встраиванием, адаптацией Японии в расширяющуюся мировую систему — в частности, капиталистическую мировую экономику, основанную на рыночной экономике. К этому следует добавить, что, помимо промышленного капитализма, еще одним ингредиентом модерности — а по важности первостепенным — для Японии было создание современного централизованного государства²². В этом смысле в сфере государственного управления модернизацию Мэйдзи можно рассматривать не только как период нацистроительства на базе прежде феодального сословного общества, но и как время модернизации государственного аппарата для укрепления государственности и работоспособности государственных институтов — того, что в английском называется *state capacity*.

Японский экономист и специалист в области развития Оно Кэнъити выделяет три ответа на вопрос «Почему у Японии получилось эффективно справиться с глобализацией и быстро провести индустриализацию». Во-первых, в теории антрополога Умэсао Тадао, разрабатывавшего идеи сравнительного анализа цивилизаций, подчеркиваются географические факторы, игравшие важную роль на протяжении всей (а не только новой) японской — или, например, британской — истории:

²² *Maegawa Keiji. The Continuity of Culture and the Civilization. P. 166–167.*

«оптимальное» островное положение, заключающееся в достаточной близости к континенту для возможности низкзатратного внедрения культур и достижений других цивилизаций, но при этом и в отделенности от континента, позволяющей избежать разрушительных последствий от нашествий кочевников и в целом военных вторжений. По мнению Умэсао, эти условия облегчали переход от централизованной власти к децентрализации, феодализму и капитализму. Во-вторых, по мнению многих ученых, включая К. Оно, истоки японского успеха во многом заключаются в наследии периода Эдо (1603–1867 гг.), речь о котором подробно пойдет в данном разделе²³. В нем, в частности, рассматриваются особенности Японии как «протомодерного» государства в области внутренней и внешней политики, общественного и хозяйственного устройства и системы образования. Основными благотворными факторами «родом из Эдо», согласно этим теориям, стали следующие: политическое единство и стабильность, сельскохозяйственное развитие, улучшения в транспортной инфраструктуре, высоко интегрированный рынок, торговля и финансы, промышленное производство и его продвижение, уровень образования. В-третьих, политическая система эпохи Мэйдзи, согласно К. Оно, отличалась гибкой структурой, позволявшей одновременно достигать различные общенациональные цели²⁴. Об этом речь пойдет в соответствующем разделе, посвященном собственно реставрации Мэйдзи.

Эпоха Эдо как «эмбрион модерности»

Период японской истории с середины XVI в. по середину XIX в. — то есть от заключительного этапа «эпохи воюющих провинций» и объединения страны в период Адзути-Момояма до падения сёгуната Токугава в 1867 г. — в англоязычной историографии нередко обозначается термином *early modern* (раннее Новое время или «ранняя модерность»,

²³ Этот тезис разделяется различными исследователями: японскими (*Kitaoka Shinichi. The Political History of Modern Japan. P. 7–9*), российскими (*Мещеряков А. Н. Трансформации эпохи Мэйдзи: государственное и телесное измерение // Япония в эпоху великих трансформаций. С. 77*) и западными (*Jansen M. B. The Making of Modern Japan. P. 457*).

²⁴ *Ohno Kenichi. Economic Development of Japan // Banno Junji, Ohno Kenichi. "The Flexible Structure of Politics in Meiji Japan", Leadership Program Research Paper. N 1. Apr. 2010; URL: https://www.grips.ac.jp/teacher/oono/hp/docu02/meiji_dlp.pdf.*

если дословно); в японском же языке встречаются смысловые аналоги *кинсэй* (近世) и *сёки-киндай* (初期近代)²⁵. Такое название указывает и на тот факт, что Япония периода Эдо оказалась плодородной базой для модернизации, хотя во многом общественно-политические характеристики страны периодов Эдо и Мэйдзи представляются на первый взгляд резко контрастными, если не сказать «бинарными оппозициями»: самоизоляция – открытие страны, жесткая иерархия – социальная мобильность, мир-военная экспансия и т. д. Примечательно и то, что правление Токугава на протяжении двух с половиной веков характеризовалось жестким контролем над различными сферами общественной жизни при отсутствии серьезных вызовов со стороны оппонентов как изнутри²⁶, так и извне, однако скоростно рухнуло в критический момент, не выдержав внешней угрозы, исходящей от западных государств, и внутренней политической борьбы и гражданской войны, последовавших за подписанием неравноправных договоров с Западом.

Тотальный контроль, «замороженный конфликт» и проблемы с меритократией

Приоритетом для Токугава, объединившего страну еще недавно сражавшихся самураев, было предотвращение и подавление любых сценариев социальной нестабильности. Как уже было упомянуто, клан Токугава вышел победителем из затяжной гражданской войны между княжествами в период феодальной раздробленности и, соответственно, стремился держать в ежовых рукавицах всю Японию — особенно вчерашних оппонентов из феодалов, присягнувших на верность уже после своего поражения. По выражению японского политического мыслителя Маруяма Масао, правление Токугава представляло собой эпоху воюющих провинций (Сэнгоку) в «замороженном состоянии»²⁷. Постсоветскому читателю эта метафора может невольно напомнить «заморожен-

²⁵ Эдо-Токио 400 нэн-но рэкиси о фумаэта сютокиноитэн това; URL: <https://www.mlit.go.jp/kokudokeikaku/iten/onlinelecture/lec73.html>.

²⁶ Последним серьезным выступлением против сёгуната было Симабарское восстание 1637–1638 гг., окончившееся поражением восставших.

²⁷ *Matsuda Koichiro*. Chapter 8. Intellectual and Social Aspects of Modernization in Japan // *Seven Chapters on Japanese Modernization*. JICA-Open University of Japan. Makuhari, Chiba: BS231, Nov. 2020.

ные конфликты» в республиках бывшего СССР, хотя сопоставимость здесь, несомненно, весьма условна. «Замороженность» в случае Токугава означала неоконченность, неразрешенность, «спящую» природу внутреннего конфликта. После победы Токугава самурайские феодалы-даймё, правившие 260–300 автономными княжествами (*хан*), были разделены на несколько категорий по степени близости к Токугава: *госанкэ* — дома, из которых мог выбираться новый сёгун; *симпан* — некоторые из родственников сёгуна; *фудай* — наследственные вассалы Токугава до решающего сражения при Сэкигахара, определившего исход «эпохи воюющих провинций» в пользу Токугава; *тодзама* — побежденные в этом сражении, а также присягнувшие на верность Токугава только после сражения²⁸. Участие в административном управлении страной позволялось лишь *фудай*, а феодалов *тодзама* сёгуна Токугава постепенно все более дискриминировали. За все два с половиной века правления Токугава только один феодал из *тодзама* получил должность старейшины (*ро:дзю:*) — наивысшую в центральной администрации сёгуната. Забегая вперед, отметим, что впоследствии именно княжества из последней категории *тодзама* — особенно Сацума, Тёсю, Хидзэн и Тоса — стали основной движущей силой при свержении сёгуната в середине XIX в. и последовавшей модернизации.

Соответственно, правление Токугава максимально зарегулировало общественную жизнь, строго ограничив оборот оружия и кораблестроительство среди феодалов и приписав различные общественные сословия, включая самураев, к жилью, которое было запрещено покидать без официального разрешения властей. Свобода выбора профессии отсутствовала: род занятий был наследственно закреплён за семьями. Крестьяне могли претендовать на возделывание почвы или наследование статуса, однако купля-продажа земли была запрещена законом — как для них, так и для других представителей общества, будь то самураи или киотосские аристократы. С целью усиления контроля над торгово-экономическими отношениями, финансовым положением феодалов (особенно *тодзама*), а также проникновения идей, могущих подорвать власть Токугава, как, например, христианство, сёгуны, особенно начиная с правления Токугава Иэмицу (1623–1651), вели политику самоизоляции, запретив въезд и выезд в страну. Социальная мобильность была всячески ограничена, переходы между сословиями если не невозможны, то

²⁸ Мещеряков А. Н. Трансформации эпохи Мэйдзи: государственное и телесное измерение // Япония в эпоху великих трансформаций. С. 77.

максимально затруднены, а продвижение самураев по военной службе было маловероятным в отсутствие внутренних и внешних вооруженных конфликтов. Тем самым предопределенность общественной жизни была весьма высокой. Идеальным состоянием признавалась стабильность, то есть отсутствие изменений, а идеалом служило не будущее, а прошлое — при этом не позднее, ближайшее к Токугава, а правление мифического императора Дзимму²⁹. По словам интеллектуала Фукудзава Юкити, политический режим Токугава представлял собой систему, где каждый человек словно содержался в небольшом отдельном «ящике» без разрешения на передвижение³⁰.

Самураи при Токугава пользовались политическими и социальными привилегиями, однако им не разрешалось владеть землей как частной собственностью, а также заниматься коммерческой или инвестиционной деятельностью. Им приходилось жить в закрепленных за ними домах. У самураев не было иного выбора, кроме как жить на фиксированное жалованье в зависимости от ранга — по крайней мере, официально. Шансы на продвижение по службе были довольно редкими и сводились к бюрократической карьере, потому что при режиме Токугава войн более не велось, а это означало, что у них было мало возможностей добиться какого-либо успеха именно на военном поприще. Их наследственный статус был защищен режимом, однако шансы улучшить свою жизнь оказывались весьма скудными³¹. Самураи представляли собой группу людей, которым суждено было вести существование сродни русскому «служилому дворянству».

В рамках сдерживания потенциальных оппозиционных настроений сёгунат Токугава стремился ограничить ресурсную базу феодалов, особенно из категории *тодзама*. Это достигалось, например, за счет политики самоизоляции, ударившей по торговым портам западного Хонсю

²⁹ Там же. С. 79.

³⁰ *Matsuda Koichiro*. An Intolerant but Morally Indifferent Regime? Heresy and Immorality in Early Modern Japan // *Toleration in Comparative Perspective* / ed. V. Spencer. Lanham: Lexington Books, 2017; *Matsuda Koichiro*. Public Sphere and Political Criticism: From the Tokugawa Shogunate to the Meiji Period // *Routledge Handbook of Modern Japanese History* / eds. S. Saaler, Ch. W. A. Szpilman. London: Routledge, 2017; *Matsuda Koichiro*. 'Patriotism' and 'Nationality' in the 19th Century Japanese Political Thought // *Patriotism in East Asia* / eds. J.-H. Kwak, K. Matsuda. London: Routledge, 2014.

³¹ *Matsuda Koichiro*. Chapter 8. Intellectual and Social Aspects of Modernization in Japan.

и Кюсю (княжества Сацума, Тёсю и т. д.), и системы *санкин-ко:тай*, обязывавшей феодалов жить по одному году поочередно в своем княжестве и в столице с запретом покидать их без разрешения *бакуфу*; пребывая в княжестве, они должны были оставлять в столице одного из ближайших родственников в качестве представителя, а по факту — заложника. Таким образом они были вынуждены истощать свои финансы, тратя средства на ежегодные переезды вместе со свитой между Эдо и вверенными княжествами, а большинство княжеств *тодзама* были максимально удалены от Эдо.

В отличие от Цинской империи и корейского государства Чосон, токугавская Япония характеризовалась значительно меньшей меритократией в системе государственного управления. В Китае и Корее того времени для получения назначения на чиновничий пост необходимо было сдать сложный экзамен. В токугавской же Японии государственная бюрократия основывалась на строгой сословной и наследственной системе, а идея меритократии считалась угрозой правящему режиму и долгое время, до конца XVIII в., роль образования в продвижении по карьерной лестнице и коммерческих делах была относительно низкой³².

Несмотря на такую меньшую по сравнению с соседями меритократию, в организационной культуре японской бюрократической системы при Токугава присутствовали и элементы если не состязательности, то совещательности при принятии решений, делавшие ее не столь персоналистской и директивной, как можно подумать. В ходе модернизации государственного управления в эпоху Мэйдзи эта особенность оргкультуры оказалась важным подспорьем.

Патримониализм по-токугавски: из воинов в бюрократы

Хотя в описании Японии периодов различных сёгунатов, включая эпоху Эдо, регулярно фигурирует понятие феодализма, в случае конкретно сёгунага Токугава есть важная особенность и отличие от европейского феодализма: это был режим с элементами как феодализма, так и патримониализма, причем гораздо ближе ко второму, что имело конкретные последствия для института собственности и для отношений в

³² *Matsuda Koichiro*. Chapter 8. Intellectual and Social Aspects of Modernization in Japan.

рамках вассалитета³³. В условиях феодализма — например, в период Камакура (1185–1333) — вассалы получали за свою лояльность вознаграждение (например, земельный надел), что делало взаимными их отношения и обязательства с сеньорами. Это укрепляло независимость вассалов, поскольку оружие принадлежало им и оплачивалось ими же. Однако в эпоху Эдо отношения между сюзереном и вассалом стали абсолютными: вассалы были зависимыми, а сюзерен не был связан каким-либо договором³⁴.

Эпоха Эдо в этом отношении отличалась особенно высокой концентрацией властных полномочий: прежние региональные силы и военные кланы, способные сопротивляться крупным региональным феодалам *даймё*, были нейтрализованы. Самурайское сословие было реорганизовано в патримониальные бюрократические группы вассалов, полностью «открепленных» от земли и обязанных жить поблизости от замка своего сеньора. В результате такой политики многие муниципалитеты, созданные впоследствии при Мэйдзи, выстраивались вокруг бывших замковых городов. Поначалу отношения между сёгунами Токугава и даймё строились по принципу «первый среди равных», поскольку Токугава Иэясу сам некогда был вассалом двух других великих объединителей Японии XVI в. — Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси. Однако впоследствии эти отношения становились все более неравными. Параллельно Токугава установили жесткий контроль над другими старыми центрами власти — религиозными учреждениями и императорским двором³⁵. Идеологически правление Токугава опиралось на неоконфуцианство, предполагавшее лояльность младших старшим.

В плане легитимности правящего режима эпоха Эдо тоже отличалась от предшествующих ей феодальных времен. В средневековье феодалы правили на своей территории за счет личной власти. При сёгунате Токугава же многие феодалы имели настрой патримониальных бюро-

³³ Шарко М. В. Исследование политических процессов Японии (Традиции и современность). Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2004; Политическая система современной Японии: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2013; *Kitaoka Shinichi*. The Political History of Modern Japan. P. 4–6.

³⁴ *Kitaoka Shinichi*. The Political History of Modern Japan. P. 4. Это отличало Японию от китайской традиции, где власть императора была обусловлена «небесным мандатом» и потерявший такое благоволение правитель терял и легитимность, рискуя свержением.

³⁵ *Ibid.* P. 4–5.

кратов, назначенных сёгунатом, и ощущение, что их домен принадлежал не столько им, сколько сёгунату. Кроме того, сёгунат контролировал и вопросы наследства, еще более ограничивая и без того нечеткие права собственности. В целом права собственности — помимо законодательной привязки их к самураям княжества и запрета на продажу земли — не были ясным образом оформлены, затрудняя передачу активов и развитие рынка недвижимости. Так, с одной стороны в землепользовании одного участка могли совместно участвовать несколько лиц, однако и претендентов в случае споров тоже оказывалось несколько. Согласно правоведу Мацубара Кэнтаро, одной из причин навязывания неравноправных договоров Японии со стороны западных держав был страх за невозможность должной защиты прав западных купцов в Японии³⁶.

Если глава княжества терял свой статус или переводился в другую провинцию, он оставлял свое вооружение в прежней местности. Источником власти феодалов, таким образом, был сёгун и его доверие. При этом сёгун, как и другие даймё, номинально получал титулы от императорского двора, что формально ставило сёгуна в положение, не полностью отделявшее его от других феодалов.

Нейтрализовав внешние и внутренние угрозы в начале своего правления, сёгунат Токугава постепенно лишился факторов, прежде стимулировавших страну наращивать могущество. В начале XVII в. правительство Токугава было способно справиться с любым внутренним вызовом, однако парадоксальным образом это привело к потере возможности внутренних реформ и к хрупкости к середине XIX в., выявившейся в ходе стремительного падения сёгуната. Вместе с тем тот факт, что самостоятельность большинства феодальных княжеств была крайне низкой, оказался подспорьем для быстрого объединения страны в централизованное государство при Мэйдзи³⁷. Одновременно в результате длительных условий мирного времени постепенно изменилась и схема лояльности самураев: от средневековой преданности конкретному лицу к преданности феодальному дому. Это изменение ослабило степень преданности, «размыв» ее, и превратило в более абстрактную, сделав возможным конкретный выбор объекта преданности по усмотрению самого самурая. В конечном счете, по мнению историка Китаока Синъити, при

³⁶ *Matsubara Kentaro*. The Meiji Land Reform and the Formation of Modern Land Rights in Japan // *Colonial Administration and Land Reform in East Asia* / ed. Sui-Wai Cheung. London: Routledge, 2017. P. 37–48.

³⁷ *Kitaoka Shinichi*. The Political History of Modern Japan. P. 7.

переходе от конца эпохи Токугава к Мэйдзи это изменение природы лояльности самураев позволило им относительно быстро сменить ее объект: с феодальных домов на императора или государство³⁸.

«Мирные дивиденды»

За исключением нескольких восстаний на раннем этапе правления Токугава, в целом оно характеризовалось внутренним и внешним миром. Конфликты внутри страны были пресечены или заморожены, самоизоляция же купировала возможные конфликты во внешних сношениях. Положительной обратной стороной такого положения дел была полученная возможность мирного развития без потрясений и траты ресурсов на безопасность.

В частности, в первое столетие эпохи Эдо (то есть XVII в.) в Японии имел место значительный прирост населения — на 9 млн человек — ввиду уже упомянутого отсутствия боевых действий внутри и вне страны, а также развития пахотных земель по тем же причинам и, как следствие, рост сельского хозяйства, в том числе производства риса, в свою очередь стимулировавшего развитие торговли³⁹. Во второе столетие Токугава (XVIII в.) темпы прироста населения замедлились, но были стабильными. Население страны выросло с 12–17 млн человек в 1600 г. до 31,2 млн в 1721 г. и достигло отметки в 34,8 млн в 1872 г.

Основной отраслью экономики страны было сельское хозяйство, и подавляющее большинство населения было сельским, однако параллельно развивалась мини-урбанизация за счет роста Эдо и Осака как важных городских центров. При этом вплоть до 1920-х гг. Япония оставалась слабо урбанизированной страной. Денежная система представляла собой уникальное сочетание наличных денег и риса. Правительство Токугава монополизировало золотые и серебряные рудники по всей стране, чеканку и выпуск валюты, в первой половине XVII в. ставшей единой с некоторыми оговорками (сёгунату не удалось полностью

³⁸ Ibid. P. 9.

³⁹ *Saito O., Takashima M.* Population, urbanisation and farm output in early modern Japan, 1600–1874: a review of data and benchmark estimates // RCESR Discussion Paper Series. DP15–3. Hitotsubashi University. Цит. по: *Matsuda Koichiro.* Chapter 8. Intellectual and Social Aspects of Modernization in Japan.

предотвратить хождение феодальных банкнот «хансацу»⁴⁰. В то же время налоги и жалованье самураев выплачивались в виде риса. Таким образом, государственный бюджет и доходы самураев зависели от рыночной цены риса, золота и серебра. Рынок риса также находился вне государственного регулирования: периодические попытки вмешательства оканчивались безуспешно. Еще больше усложняло ситуацию то, что «рисовые» купоны-расписки (векселя) использовались в качестве денежных переводов не только на фактический спотовый рис, но и на фьючерсы, и они также обменивались на рынке. Некоторые экономические историки предполагают, что этот обмен рисовыми чеками был предшественником современной торговли производными финансовыми инструментами. Такой прототип системы кредитного рынка, возможно, стал предвестником экономической идеи свободного рынка, которая позже подготовила внедрение западных экономических теорий⁴¹.

Параллельно со стабильным развитием внутреннего рынка система *санкин-ко:тай* способствовала развитию внутренних коммуникаций и транспорта. В нее входили, с одной стороны, пять наземных трактов Гокайдо, оборудованных почтовыми станциями и служивших важной артерией для движения не только людей и грузов, но и информации, а с другой стороны — прибрежные морские коммуникации, через которые осуществлялась значительная часть грузоперевозок, в том числе важнейшего товара — риса. Впоследствии риск нарушения этих прибрежных коммуникаций был важной частью восприятия японцами угрозы национальной экономике со стороны «черных кораблей» американского коммодора Мэтью Перри и общей угрозы безопасности, исходившей от Запада, — тем более что японские корабли эпохи Токугава были технологически устаревшими⁴².

Японцы эпохи Эдо отличались довольно значительным по тем временам уровнем образования, особенно к концу правления сёгуна Токугава. Этому способствовало наличие не только школ для самураев, но и учреждений начального образования для детей зажиточных горожан и крестьян благодаря храмовым школам *тэракоя*, основанным на общественных или частных началах. Таких школ по всей стране насчитыва-

⁴⁰ The History of Japanese Currency. Bank of Japan History Museum; URL <https://www.imes.boj.or.jp/cm/english/history/content/>.

⁴¹ *Matsuda Koichiro*. Chapter 8. Intellectual and Social Aspects of Modernization in Japan.

⁴² *Kitaoka Shinichi*. The Political History of Modern Japan. P. 8.

лось более 16 тыс. Впоследствии эти школы стали основой системы образования при Мэйдзи. Хотя достоверно вычислить уровень грамотности населения до Мэйдзи затруднительно из-за проблем с источниками, по оценкам историков, в начале XIX в. от 30 до 40 % мужского населения (по некоторым оценкам, 40–50%) и от 10 до 20 % женского населения, по всей вероятности, обладали необходимыми навыками чтения и письма⁴³. В городских торговых районах — например, в Эдо или Осака — процент грамотности мог быть и намного выше. В сравнительном плане такой уровень базовой грамотности был выше, чем в Италии того периода. Ввиду сведения военного ремесла и боевых действий к минимуму, многие самураи выполняли по факту функции чиновников, которым продвинутые навыки чтения и письма были необходимы — как они были необходимы и буддийским монахам, синтоистским священнослужителям, богатым торговцам и деревенским старостам, поскольку формальная и деловая переписка велась и регистрировалась в сложном формате.

Хотя Япония при Токугава была изолирована от мира, в результате сильно отстав в технологическом развитии — например, несмотря на значительные арсеналы японского огнестрельного оружия, его уровень в XVIII в. не сильно отличался от XVI в.⁴⁴, — в этом «занавесе» были свои «прорехи» и каналы связи. Так, нидерландская монополия на торговлю с Японией служила источником информации о происходившем в других странах: например, в том числе благодаря голландцам сёгунское правительство узнало о колониальной политике западных держав в Азии и о Первой опиумной войне (1839–1842), что сильно напугало *бакуфу* ввиду многовекового пиетета японцев перед Китаем и его образа как великой державы, пусть и слегка потускневшего при династии Цин. Нидерланды были также источником современных знаний в разных областях — например, медицины, техники. Таким образом, дисциплина *рангаку* — «голландские науки» — по функционалу оказывалась для японцев широким разделом знаний, становившихся доступными благодаря изучению нидерландского языка. Кроме того, как было сказано выше, некоторые княжества сохраняли отношения с внешним миром «по линии межрегионального сотрудничества»: Сацума с Рюкю (и таким образом, с Китаем), а княжество Цусима-Футю — с корейским королевством Чосон.

⁴³ *Kayashima Nobuko*. Développement de l'Éducation au Cours de l'Ère Meiji (1867–1912): Modernisation et Montée du Nationalisme au Japon (Cahiers de l'IEP. N 78). Paris: UNESCO Institut International de Planification de l'Éducation, 1989.

⁴⁴ *Kitaoka Shinichi*. The Political History of Modern Japan. P. 5.

Что важно, источники инакомыслия, требующего обновления, были не только внешними, но и внутренними, опираясь на собственный культурный опыт Японии. Несмотря на многолетний авторитарный контроль сёгуната Токугава над различными сферами общественной жизни — а возможно, и в результате его, — в XVIII в. в Японии постепенно сформировалась идейно-философская школа *Кокугаку* («национальная наука»), оппонировавшая в идеологическом, культурном, а позднее и политическом плане буддизму и неоконфуцианству, служившему идеологической основой сёгуната Токугава. *Кокугаку* стремилась к возрождению японских духовных ценностей, возводившихся к легендарному прошлому, обоснованию особого исторического пути и государственного устройства Японии, утверждению уникальности ее цивилизации и культуры. И в этом смысле примечательно и по-своему парадоксально, что нативистское, казалось бы, движение, ратовавшее во время токугавской самоизоляции за освобождение японской культуры от китайского и конфуцианского импорта и возврат к японским истокам, стало прологом к смене парадигмы и оставило наследие, в дальнейшем использованное как одна из идеологических основ реставрации Мэйдзи⁴⁵.

Вторая среди неравных: международное положение Японии в контексте модернизации

Япония занимала особое место в китаецентрической системе международных отношений в Восточной Азии до прихода европейцев в XIX в.⁴⁶ Как известно, эта система предполагала признание государствами региона центрального положения Китая в иерархии и основанные на этом признании даннические отношения. Тогда как многие государства региона (например, Корея и Вьетнам) в эту систему входили регулярно, Япония отправляла соответствующие миссии с дарами в Китай — династиям Суй и Тан — на раннем этапе своей истории, до IX в. н. э., но впо-

⁴⁵ *Kitaoka Shinichi*. The Political History of Modern Japan; *Jansen M. B.* The Making of Modern Japan. P. 457.

⁴⁶ Здесь важно оговориться, что само слово «Азия» в отношении Китая, Японии и их соседей является в данном случае анахронизмом, ибо имеет греческое происхождение, изначально относившееся к Анатолии или Персидской империи, и было принесено европейцами, а не являлось самоназванием стран региона до начала западной колонизации.

следствии стала укреплять свою самостоятельность⁴⁷. Так, монархи Японии ввели в регулярное употребление в отношении себя титула «Сын Неба», ставившего их на один уровень с китайскими императорами, обладателями аналогичного титула.

Исключением здесь является краткий период сёгуната Муромати (1338–1573) в ~~конце~~ XV в., когда сёгун Асикага Ёсимицу в поисках выгод от торговли с династией Мин признал свой статус, по сути, вассальным по отношению к Китаю, однако это изменение статуса было временным, уйдя в небытие после падения клана Асикага⁴⁸.

При этом Япония не стремилась оспорить положение Китая в этой системе, сама занять его либо создать аналогичную систему вокруг себя, хотя впоследствии Япония — а точнее, японские феодалы из княжества Сацума — обзавелись своим вассалом: королевство Рюкю (современная Окинава) поддерживало такие отношения как с Китаем, так и с Японией (через Сацума).

Таким образом, можно с некоторой натяжкой сказать, что в том, что касается отношений с внешним миром, Япония почти на протяжении тысячелетия, предшествующего Мэйдзи, стремилась занимать положение на верху региональной иерархии. При этом Япония не конфликтовала напрямую с китайской цивилизацией — центром этой иерархии, а также основным источником культурных и общественных заимствований, ибо из Китая через Корею в Японию пришли письменность, буддизм, конфуцианство, законотворческая мысль (например, первый японский свод законов Тайхо, введенный в 703 г., был во многом основан на системе государственного управления китайской династии Тан), архитектурные и многие другие знания. Китай в этом смысле был для Японии тем, чем Древняя Греция, Рим и Византия являлись для Европы — с тем только отличием, что Китай сохранял свое существование и на современном этапе, хотя и попадал иногда под власть династий-захватчиков — например, монгольской Юань и маньчжурской Цин.

⁴⁷ При этом прекращение посольств в танский Китай, согласно позднейшим исследованиям, предлагается рассматривать не как причину последовавших изменений в культурной жизни Японии, а как следствие предшествовавших изменений (Федянина В. А. К вопросу о прекращении официальных отношений Японии с танским Китаем в IX в. // Япония 2010. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2010).

⁴⁸ *Yoda Yoshiie*. The foundations of Japan's modernization: a comparison with China's path towards modernization / transl. by K. W. Radtke. Leiden; New York: E. J. Brill, 1996. P. 40.

Это иерархическое мировоззрение важно и для понимания восприятия Японией вызова со стороны западных держав, с которым она столкнулась в XIX в., и соответствующего «внешнеполитического» стимула к модернизации. Иерархия международных отношений в Восточной Азии менялась: в новом «модерном» мире Китай, а точнее — Цинская империя, свое центральное положение терял, будучи потесненным европейцами и США в глобальном и региональном масштабе. *Бакуфу* с особенной тревогой отнеслось к известиям о Первой опиумной войне (1839–1842), сильно пошатнувшей восприятие Китая как всемогущего гиганта, бытовавшее у японцев. В результате Япония при Токугава подписала неравноправные Ансэйские договоры с Западом, пусть и менее кабальные, чем в случае Китая.

Соответственно, чтобы пересмотреть эти неравноправные договоры и в целом добиться того, чтобы с ней считались, Японии надлежало войти в число западных стран — иначе говоря, обеспечить себе высокое положение в международной иерархии после того, как приход западных стран эту иерархию изменил. Хотя сложившаяся в Европе XVII в. и распространяемая за пределы Европы в последующие века система международных отношений номинально декларировала равенство суверенных государств и в буквальном смысле постулировала анархию, нежели иерархию, фактически в колониальную эпоху только «цивилизованные» государства могли быть частью клуба «суверенного равенства»⁴⁹.

В результате одним из последствий нацеленности Японии вступить в этот «клуб», а также расширить ресурсную базу и рынки сбыта для промышленного развития и экспансии стало стремление получить собственные колонии в Азии и на Тихом океане, ставшее одной из «темных сторон» модернизации. Япония участвовала в войнах с почти регулярным интервалом в десятилетие: Японо-китайская война 1894–1895 гг., Русско-японская война 1904–1905 гг., Первая мировая война 1914–1918 гг., интервенция в Маньчжурию 1931–1932 гг. и наконец Японо-китайская война 1937–1945 гг.

По рассмотрении наследия эпохи Эдо напрашивается вопрос: означает ли вышеописанное наследие, что если такие обстоятельства не сложились, то модернизация обречена на неуспех? Или что можно подобные обстоятельства постепенно создать в рамках поступательного

⁴⁹ Reid A. Introduction: Negotiating Asymmetry: Parents, Brothers, Friends and Enemies // *Negotiating asymmetry; China's place in Asia* (2009) / eds. A. Reid, Zheng Yangwen. Singapore: NUS Press, 2009. P. 1–25.

развития (см. понятие градуализма ниже)? Как бы там ни было, знание истории периода Эдо дает повод не делать однозначных детерминистских выводов о безнадежности модернизации в сопоставимых общественных системах, представляющихся косными и стагнирующими.

Мэйдзи: переизобретение традиций и социальная инженерия на службе модернизации

Роль реставрации Мэйдзи в контексте места и самовосприятия Японии в международной иерархии одновременно символически напоминала утверждение большей международной самостоятельности Японии в эпоху Хэйан после прекращения отправки торговых миссий в Китай в 894 г. С той, впрочем, разницей, что на эпоху Хэйан приходился расцвет именно национальной культуры после веков заимствования из Китая, тогда как эпоха Мэйдзи стала, с одной стороны, периодом заимствований с Запада, а с другой стороны, среди своих идеологических основ опиралась и на вышеупомянутую школу *кокугаку*, ориентированную на собственно японское культурное и религиозное наследие, а также государственные традиции.

Отметим важный момент: при Мэйдзи популярным стал принцип осуществления заимствований извне, известный как «японский дух — европейские знания» («*вакон-ё:сай*»), как бы подчеркивавший субъектность заимствующего, конгруэнтную источнику заимствования⁵⁰. Здесь прослеживается преемственность с эпохой Хэйан, в которую возник предшественник этого термина — термин «японский дух — китайские знания» («*вакон-кансай*»). Заимствующие модернизаторы при Мэйдзи тем самым как бы признавали незападность Японии, одновременно не постулируя необходимость антизападной ориентации. А поскольку у «*вакон-ё:сай*» был прецедент многовековой давности «*вакон-кансай*», такой конструктивизм и переизобретение традиции с отсылкой в прошлое имплицитно намекали образованному человеку на плав-

⁵⁰ Авторство этой идеи приписывается интеллектуалу упомянутого ранее движения «Кокугаку» Киккава Тадаюки (1799–1864), а популяризация — его сыну Киккава Тадаясу (1824–1884). (Ватанабэ Цунадзиро «Киккава Тадаюки и Тадаясу», Акита дайхяккадзитэн (Энциклопедический словарь Акита), Акита: Сакигакэ Симпося, сентябрь 1981 г.; Киккава Тадаюки, Нихон дай хяккадзэнсё (Энциклопедия Ниппоника); URL: <https://kotobank.jp/word/%E5%90%89%E5%B7%9D%E5%B7%A0%E8%A1%8C-1069647>.)

ность, а не на радикальность перемен, способствуя их легитимации при усвоении.

Примечательно здесь то, что, хотя аналогичные по смыслу концепции выдвигались также в Корею и Китае второй половины XIX в.⁵¹, по ряду причин — внешнеполитических препятствий со стороны иностранных держав и внутривосточной нестабильности — модернизация в этих странах во второй половине XIX в. протекала медленнее и менее успешно, чем в Японии. Подробный анализ причин успеха и неуспеха трех восточноазиатских соседей невозможно провести в данной работе, поскольку он потребовал бы отдельного обстоятельного и весьма объемного исследования всего комплекса факторов. Если тезисно обозначить отличие японского ответа на вызов Запада от китайского и корейского, то, согласно историку С. Китаока, он основывался на разнице в самовосприятии элит Японии и этих стран.

Как уже было сказано выше, японские элиты воспринимали свою страну как государство сравнительно меньшее по размеру и более периферийное, чем Китай, — в отличие от китайцев, считавших Поднебесную центром мира, и в отличие от корейцев эпохи государства Чосон, считавших себя истинными наследниками династии Мин и конфуцианской цивилизации, в отличие от цинского Китая. Таким образом, для японцев не было зазорным в принципе признать возможность существования превосходящих их государств или цивилизаций. Одновременно, находясь на периферии китайского влияния, Япония не была им полностью подавлена или поглощена, отстаивая самостоятельность и находясь в поисках собственной интеллектуальной традиции, что выразилось, в частности, в оппозиции неоконфуцианству, ставшему цементирующей идеологией токугавской Японии⁵².

Кроме того, для Цин и Чосон того периода иностранцы представлялись прежде всего варварами в культурном плане. В Японии же правящее самурайское сословие было военным и потому нередко воспринимало внешние силы прежде всего через призму военной мощи — как потенциального противника, которого не стоило недооценивать и кото-

⁵¹ Корейский слоган звучал как «восточный путь, западные инструменты» (*дондо соги*, 東道西器), означая «принятие западных знаний при сохранении восточных ценностей». Аналогичным китайским понятием было «китайская основа, западная функция» (*чжунти сиюн* 中体西用), предполагавшее использование китайского знания как фундаментального, а западного — как прикладного.

⁵² *Kitaoka Shinichi*. The Political History of Modern Japan. P. 11–12.

рым можно было восхищаться, несмотря на его враждебность⁵³. Такое восприятие частично повлияло на выбор моделей модернизации: например, благодаря истории французских военных успехов японцы в XIX в. поначалу хотели многое заимствовать у Франции, с которой связи были налажены в том числе в последние годы сёгуната Токугава, однако поражение Парижа во Франко-прусской войне привело к смещению вектора внимания японцев в отношении бисмарковской Пруссии. Важно отметить и выборочность, частичность заимствований: Пруссия была моделью в том, что касается создания армии, а также конституции, но при этом, по мнению С. Китаока, в Японии у мэйдзийского парламента имелось большее влияние при обсуждении военных расходов, чем у рейхстага кайзеровской эпохи⁵⁴.

С точки зрения международных отношений, за прошедшие с эпохи Мэйдзи полтора века Япония смогла вернуться на «верхний этаж» системы международных отношений — или присоединиться к «ядру» мировой экономики, если смотреть через призму политэкономии, — и оказаться таким образом в комфортном положении государства статус-кво (*status quo power*). Это положение она — с оговорками — занимала в региональной китаецентрической системе, однако приход европейцев и распространение западной («вестфальской») системы международных отношений изменили сам ландшафт этой региональной системы. В результате Япония в ходе модернизации временно оказалась государством «восходящим» (*emerging*), «развивающимся» (*developing*)⁵⁵ и даже «ревизионистским» (*revisionist*) в терминах теорий международных отношений — стремящимся к пересмотру международного статус-кво, но в конечном счете избежала вытеснения на периферию и колонизации, заняв в последнюю четверть XX в. ведущее положение.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Выборочность проявлялась и в других внедрениях: так, при создании системы образования Франция стала моделью для централизованной системы управления образованием и системы школьных округов, тогда как моделью трехступенчатой образовательной системы (начальная школа, средняя школа и университет) стали США (*Kayashima Nobuko. Développement de l'Éducation au Cours de l'Ère Meiji (1867–1912).*

⁵⁵ Фукудзава Юкити в работе 1875 г. использовал в отношении Японии, в частности, термин «ханкай» (半開), означающий «полуразвитая» или «получивилизованная». *Fukuzawa Yu. An outline of a Theory of Civilization.* P. 17–21.

***Гибкая политика и плавность перемен:
«медленно, но верно» по-японски***

Как Японии удалось в плане внутренней политики пройти через критические годы конца правления сёгуна и начала реставрации без погружения в хаос и разрушение? Японские ученые Банно Дзюндзи и Оно Кэнъити считают, что такому ходу событий способствовала гибкость японских политиков того времени. В переходный период появилось много лидеров, которые продолжали формировать и реформировать группы в зависимости от обстоятельств и политических приоритетов. Национальные цели, коалиции и позиции руководителей со временем менялись. Благодаря этому Япония смогла проводить реалистичную политику, способствующую внешней торговле и трансферу технологий (вместо отказа от них), осуществить политическую реформу, индустриализацию и наращивание военной мощи, а также сохранить национальное единство, которое предотвратило колонизацию⁵⁶.

Банно и Оно разделяют ключевые десятилетия второй половины XIX в. на три фазы: первоначальный шок и панику (1853–1858 гг.), собственно трансформационный период с принятием решений о том, «что делать», (1858–1881 гг.) и период осуществления запланированного на практике (1880–1890-е гг.). На первых двух этапах упоминаемая авторами гибкость политики заключалась в следующих трех аспектах. Во-первых, эволюционировало целеполагание: если в конце периода Эдо было две основные цели — «богатая страна — сильная армия» («*фукоку-кё:хэй*») и механизм общественных (феодалных) обсуждений («*ко:ги ёрон*»), то в начале эпохи Мэйдзи основных целей у реформаторов было четыре: индустриализация (напр., политика *сёкусан-ко:гё:*), укрепление армии, создание конституции и парламента. Эти цели, в свою очередь, можно интерпретировать как средства, использованные Японией для принятия в «клуб великих держав». Во-вторых, проявлялась гибкость в создании коалиций: группы продолжали формироваться и реформироваться по мере изменения ситуации — примерно каждые несколько лет. Поскольку никакая группа или единоличный руководитель не монополизировали власть надолго, каждой необходимо было выступать в коалиции с одной-двумя другими группами для проведения политики. В-третьих, гибкость проявляли руководители и ведущие группировки: политические приоритеты каждого лидера развивались и укреплялись с

⁵⁶ *Banno Junji, Ohno Kenichi. “The Flexible Structure of Politics in Meiji Japan”.*

течением времени, а лидирующая группировка могла охватить несколько целей и корректировать политику. Доверие и добрая воля сохранялись среди руководителей вплоть до окончательного противоборства (восстание Сайго Такамори, изгнание Окума Сигэнобу, конфронтация Итагаки Тайсукэ с правительством). Несмотря на соперничество и трения, политическая гибкость позволила достигать одновременно нескольких целей в долгосрочной перспективе без резких колебаний или взаимного разрушения⁵⁷.

Еще одной философией, исповедуемой на современном этапе некоторыми японскими экономистами в области развития⁵⁸, но ведущей начало от деятелей эпохи Мэйдзи, является так называемый градуализм (*дзэнсинсюги*). Под градуализмом подразумевается плавность, умеренность, поэтапность реформ как основной философии, до сих пор встречающейся в японском государственном управлении и политике в области развития. Алистер Суэйл считает этот подход разновидностью «динамичного» консерватизма, увязывая его со стремлением самурайской элиты сохранить власть после свержения сёгуна и реставрации власти императора. В газетах эпохи Мэйдзи дискуссии о *дзэнсинсюги* шли как минимум с 1874 г.⁵⁹ — отметим, впрочем, что это было после комплекса революционных преобразований 1868–1872 гг. В ходе реформ Мэйдзи сторонником такого подхода, избегавшего радикальных мер или шока, выступал, например, государственный деятель Ито Хиробуми при введении конституции⁶⁰. Окубо Тосимити в своих замыслах планировал реформы политического и государственного устройства с общим горизонтом в 30 лет — однако жизнь его оборвалась в ходе первой «десятилетки»⁶¹. Вместе с тем

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ *Murashkin N.* Japanese Involvement in Central Asia: An Early Inter-Asian Post-Neoliberal Case? // *Asian Journal of Social Science*. 2015. Vol. 43.

⁵⁹ *Huffman J. L.* Review: “The Meiji Restoration: Monarchism, Mass Communication and Conservative Revolution by Alistair D. Swale” // *Monumenta Nipponica*. 2010. Vol. 65, N 1. P. 225–227.

⁶⁰ Подробнее о применении Ито аналогичной философии в Корее см.: *Яковлева Ю. И.* Выпускная квалификационная работа на тему: роль Ито Хиробуми в судьбе Кореи (кон. XIX — нач. XX в.); URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/14166/1/Yakovleva_YU_I_Rol_Ito_Xirobumi_v_sudbe_Korei_%28kon_XIX_-_nach_XX_v_%29_.pdf.

⁶¹ *Makihara Izuru.* Chapter 11. Modernization of Japan’s Administrative System // *Seven Chapters on Japanese Modernization*. JICA-Open University of Japan. Makuhari, Chiba: BS231, Nov. 2020.

темп преобразований, учитывая их радикальность, был стремительным: централизованная система сменила феодальную в течение трех лет с момента реставрации, на (само)упразднение правящего сословия самураев ушло восемь лет, а введение системы кабинета министров, принятие конституции и учреждение парламента заняли, соответственно, 17 лет, 21 год и 22 года. Как подобный темп удалось держать людям, многих из которых можно было бы анахронистически назвать «противниками шоковой терапии»? И здесь мы подходим к необходимости более подробно рассмотреть то, кем были японские модернизаторы XIX в. и какие факторы успеха сопутствовали им.

Из самураев в олигархи: политический портрет модернизаторов

Обозначим заранее тезисно основные моменты, сыгравшие важную роль для реформаторов эпохи Мэйдзи в модернизации: принадлежность к верхушке тогдашнего общества — самурайскому сословию, мотивация и решимость к захвату власти, наличие подконтрольных экономических ресурсов и навыков административного управления, уважение к историческим традициям и творческий подход к их реинтерпретации и, что весьма существенно, опыт непосредственного взаимодействия с западными странами как в ходе боевых действий, так и в ходе собственного продолжительного проживания и обучения на Западе⁶². Самураи из княжеств, ставших авангардом сопротивления Токугава — Сацума, Тёсю, Хидзэн и Тоса, — представляли собой «контрэлиту» в терминологии Вильфредо Парето⁶³ и совершили своего рода реванш за поражение от Токугава двухвековой давности. Если допустить сослагательное наклонение, вымышленные сценарии и фантастические параллели с российской историей, то с натяжкой возможным российским эквивалентом этих событий мог бы быть гипотетический реванш новгородцев и псковитян над москвичами в допетровскую эпоху или ленинградцев (либо представителей других региональных групп и землячеств) после советских репрессий.

⁶² Подробнее об основных деятелях модернизации см.: *Китаока Синъити, Но-нака Икудзиро*. Титоку кокка но ридасиппу. Токио: Нихон кэйдзай симбун, 2021.

⁶³ *Молодяков В. Э.* «Школа национальных наук» и формирование японской идеи // Восток. 1994. № 3. С. 45–53; *Антонов П. А.* Концепции анализа элиты и политической власти современной Японии // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6. С. 336–342.

Как было указано в предыдущем разделе, сёгунат Токугава в рамках сдерживания потенциальных оппозиционных настроений стремился ограничить ресурсную базу феодалов, особенно из категории *тодзама*. В этих условиях важным оказывалось наличие источника дополнительного дохода или других сильных сторон. Так, в случае княжества Сацума таким источником являлась контрабандная торговля, особенно сахарная, через Рюкю, обеспечивавшая местным даймё из рода Симадзу также не прямой доступ к Китаю в нарушение монополии сёгуната на внешнюю торговлю, которая должна была вестись только через Нагасаки (а конкретно — искусственный остров Дэдзима) и голландцев⁶⁴. В свою очередь, княжество Тёсю имело развитый для своего времени бюрократический административный аппарат, введя на определенном этапе элементы меритократии.

В случае самураев из княжеств Сацума и Тёсю, включая тех из них, кто впоследствии вошел в ряд высших государственных деятелей эпохи Мэйдзи, имел место двойственный опыт непосредственного контакта с европейскими странами. С одной стороны, в ходе Сацумско-британской войны 1863 г. в городе Кагосима и боев за Симоносэки между княжеством Тёсю и коалицией Великобритании, Франции, Нидерландов и США в 1863–1864 гг. японские княжества стали непосредственными свидетелями того, насколько Япония отстала от Запада в плане военных технологий, которые в результате изоляции ушли в ней не сильно дальше уровня XVII в. Как следствие, некоторые княжества, например Сацума и Тёсю, самостоятельно начали военную модернизацию еще до падения сёгуната и реставрации Мэйдзи. С другой стороны, в результате как упомянутой во Введении миссии Ивакура, так и в результате собственных длительных — более года — поездок с проживанием и обучением на Западе японские модернизаторы вроде Ито Хиробуми получили ценный опыт «полевого исследования» и «включенного наблюдения» за источником будущих заимствований и внешнеполитическими визави и, в частности проводя политику «богатая страна — сильная армия», сделали акцент на первую составляющую как приоритетную.

То же можно сказать о просветителях из более старшего поколения — например, Фукудзава Юкити, начавшего свое образование

⁶⁴ Sakai R. K. The Satsuma-Ryukyu Trade and the Tokugawa Seclusion Policy // The Journal of Asian Studies. 1964. Vol. 23, N 3. P. 391–403. Токугава не стал препятствовать обращению королевства Рюкю в данника княжеством Сацума, стремясь умиротворить последнее как одного из сильнейших побежденных оппонентов перед объединением Японии.

с «голландских наук» и изучения нидерландского языка, впоследствии английского, а в последнее десятилетие правления Токугава совершившего несколько длительных поездок в США и Европу. Результатом этих путешествий стало составление многотомного энциклопедического описания западной цивилизации и становление Фукудзава как выдающегося эксперта по Западу, публициста и просветителя, автора книг, ставших, говоря современным жаргоном, нонфикшн-бестселлерами: «Положение дел на Западе» («Сэйё: дзидзё:», 1866–1869), «Призыв к знаниям» («Гакумон-но сусумэ», 1872), «Краткий очерк теории цивилизации» («Буммэйрон-но гайряку», 1875). В «Положении дел на Западе» Фукудзава уделял значительное внимание как общественному устройству, так и описанию технологий (парового двигателя, электричества, телеграфа и т. д.). В «Призыве к знаниям» Фукудзава стремился преодолеть — как представляется, весьма успешно — предрассудки общественности, поощряя читателей на стремление к обучению и самостоятельному стремлению к достижению успеха, независимо от сословного происхождения. Притом что Фукудзава сам происходил из самурайской семьи и ценил воинский дух «бусидо», он считал, что для модернизации национальное процветание более важно, чем мощные вооруженные силы⁶⁵.

Вместе с тем, по мнению А. Суэйла, опыт, полученный японскими модернизаторами из путешествий на Запад, не стоит абсолютизировать. Участники миссии Ивакура извлекли практические уроки из пребывания в Америке и Европе, но они были и потрясены многим из того, что увидели, и укрепили свою решимость избегать таких черт, как радикальная демократизация и сильное влияние религии. Их отношение к Западу в конце поездки было «двойственным и неоднозначным». Сторонники реформ не столько были заинтересованы внедрением западных технологий и культуры, сколько стремились «прояснить коренную культурную реконфигурацию»⁶⁶.

Что касается роли религии, тогдашний самурайский правящий класс Японии, пусть и восхищаясь государственными и общественными институтами Запада, находил странным, что государственность у европейцев и

⁶⁵ Подробнее о сравнении ролей интеллектуалов в японской и других модернизациях см.: *Балаян А.* Роль интеллектуалов в процессе модернизации Франции, Японии и Польши. (Препринт М-07/09. Центр исследований модернизации ЕУСПб.) СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.

⁶⁶ *Swale A. D.* The Meiji Restoration: Monarchism, Mass Communication and Conservative Revolution. P. 74–77.

американцев была основана на ценностях христианской религии: довольно светским самураям в этом виделся элемент суеверия. Напомним, что в сёгунате Токугава христианство находилось под запретом, доминирующей в правящем классе общественной мыслью было конфуцианство, но многие самураи его придерживались для проформы, а буддизм воспринимали, скорее, как религию «для народа». Однако японцы увидели, что наличие таких институтов на Западе позволяет упорядочивать общества за счет общих ценностей и повышать их связность. В ходе общения Ито Хиробуми с немецкими советниками была высказана мысль об использовании буддизма как японского эквивалента христианства в государственном строительстве. Однако среди мэйдзийских реформаторов возникли опасения, что буддисты смогут стать отдельным субъектом и воспрепятствуют централизации. В этом свете модернизаторы реорганизовали синто, до этого сильно синкретически связанное с буддизмом, вокруг института императоров, обладающих божественным происхождением и непрерывно правивших Японией. При этом опирались реформаторы на наследие вышеупомянутой школы «национальной науки», учение которой один из японских «почвенников» — представителей *кокугаку* — Хирата Ацутанэ (1776–1843) подготовил и для использования в политике, включая реформу государства⁶⁷. Его правнук Хирата Нобутанэ входил в число лекторов императора Мэйдзи⁶⁸.

Несомненно, сыграла проводникам модернизации Мэйдзи на руку и иерархичность токугавского общества. Как уже было сказано, застрельщиками и двигателями этого процесса были пусть низкоранговые, но самураи — представители сословия, занимавшего верховное положение при Токугава, — проводившие модернизацию «сверху», хотя ее последствия были драматическими и для самих самураев, лишившихся своих привилегий. В свою очередь, дисциплинированность, законопослушность и субординация японского общества, всячески пестовавшиеся в токугавском неоконфуцианстве, стали залогом покладистости в приеме и исполнении модернизационных реформ «снизу». Существенность этой черты подчеркивается тем, что мэйдзийские реформаторы занимались масштабнейшей социальной реконструкцией: создавали аристократию по европейскому образцу, создавали предприятия и класс промышленных предпринимателей, наконец, «создавали» граждан, стараясь повысить участие частных лиц в общественных делах.

⁶⁷ Подробнее о роли *кокугаку* в мэйдзийском синто см.: *Накорчевский А. А.* Синто. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2003. С. 361.

⁶⁸ *Мещеряков А. Н.* Император Мэйдзи и его Япония. 2-е изд. М.: Наталис, 2009.

В отношении правления Мэйдзи часто используется термин «олигархия». Для постсоветского читателя важно пояснить, что в случае Мэйдзи термин «олигархия» прежде всего означал «власть немногих», а не «власть быстро обогатившихся на приватизации и залоговых аукционах». Хотя в мэйдзийской Японии правительство поддерживало развитие капитализма, внедрение частной собственности в западном понимании и создание крупного промышленного, торгового и финансового капитала, сопровождавшегося тесными связями между правительством и дельцами, а также ростом неравенства, под «олигархией» подразумевался, скорее, факт регионального землячества между членами нового правительства. Так, в правительстве Мэйдзи на первых ролях оказались прежде всего представители княжества Тёсю (Кидо Такаёси, Ямагата Аритомо, Ито Хиробуми и др.) и Сацума, хотя последнее в итоге оказалось представлено в сравнительно меньшей степени (Сайго Такамори, Окубо Тосимити). Когда в ходе реставрации представители основных четырех антисёгунских княжеств формально уступили контроль над своими владениями императорскому правительству, назначившему впоследствии туда губернаторов, это компенсировалось возросшими властными полномочиями на общенациональном уровне для некоторых из них. По состоянию на середину XIX в. политическое руководство страны и элиты периода конца сёгуната и Мэйдзи на 95 % состояли из выходцев из самурайского сословия⁶⁹.

***Склонность к примирению:
пожирает ли реставрация своих детей?***

Одной из важнейших причин успеха Мэйдзи в политическом плане представляется тот факт, что переход власти от Токугава к сторонникам императора, прежде всего кланам Сацума и Тёсю, был существенно более мирным, чем при революциях в других государствах. Гражданская война Босин длилась около года, а общее количество человеческих жертв революции Мэйдзи оценивается в 35 тыс. человек, если брать период от войны Босин (1868–1869 гг.) до Сацумского восстания (1877 г.) включительно⁷⁰. Сёгун Токугава Ёсинобу в конечном счете решил не продол-

⁶⁹ *Banno Junji, Ohno Kenichi*. “The Flexible Structure of Politics in Meiji Japan”.

⁷⁰ *Kitaoka Shinichi*. Chapter 1. Meiji Revolution: Start of Full-Scale Modernization // Seven Chapters on Japanese Modernization. JICA-Open University of Japan.

жать затяжное сопротивление, хотя поддержку имел и внутреннюю, и внешнюю — со стороны Франции.

В свою очередь, победители обеспечили последнему сёгуну и его потомкам не только безопасность, но и почетный статус в послереволюционной властной конфигурации, а многих побежденных впоследствии инкорпорировали и кооптировали в те или иные структуры новой власти. Согласно С. Китаока, некоторые из бывших вассалов, сторонников сёгуната, ушли в журналистику, найдя новое престижное занятие в рамках политики «цивилизации и просвещения» *буммэй кайка* ввиду наличия знаний о западных странах — впоследствии их прошлая просёгунская ориентация переросла в традицию оппозиционного настроения многих японских газет в отношении мэйдзийского правительства⁷¹. Символично, что «политика памяти» по отношению к некоторым оппонентам тоже была «инклюзивной»: так, в 1898 г. в Токио была воздвигнута статуя Сайго Такамори — изначально одного из ключевых лидеров в свержении Токугава, через 10 лет после реставрации повернувшего оружие против вчерашних соратников из новой власти и погибшего в возглавленном им восстании самураев против потери привилегий.

В чем заключались причины такого сравнительно гладкого примирения бывших врагов после эпизодов вооруженной борьбы? Велик соблазн детерминистски списать это на некие особенности японской общественной и политической культуры: поиск консенсуса, покорность, следование правилам, лояльность, бусидо и т. д. Однако прецеденты ожесточенных внутренних вооруженных конфликтов и волнений с политическим насилием имели место и в японской истории, как до Мэйдзи, так и после. Очевидно, внешняя угроза колонизации, исходящая со стороны западных стран, оказалась (или, во всяком случае, казалась) японской политической элите более важной, чем внутренние противоречия. Кроме того, Токугава Ёсинобу стал сёгуном относительно незадолго до основных событий, в 1866–1867 г., то есть за год до реставрации. В этих условиях затяжная гражданская война означала бы ослабление Японии и последующее превращение в колонию или полуконию по аналогии с цинским Китаем после опиумных войн.

Как уже было сказано выше, конфликт между сторонниками сёгуна и сторонниками реставрации императора был, по сути, внутрислов-

Макухари, Чиха: BS231, 2021; URL: https://www.jica.go.jp/dsp-chair/english/chair/modernization/ku57pq00002mpdct-att/modernization_chapter_01.pdf.

⁷¹ *Kitaoka Shinichi*. The Political History of Modern Japan. P. 30–31.

ным, ибо последние представляли собой пусть во многом низкоранговых, но все равно самураев — то есть в некотором роде «контрэлиты», в существенной степени конгруэнтную тогдашней политической элите, состоявшей из самураев.

Важно и то, что в Японии того времени, где основным политическим центром стал Эдо со ставкой сёгуна, но формально столицей оставался Киото с императорским двором, в принципе наличествовал такой «спящий институт», как император, с достаточным потенциалом внутренней легитимности для того, чтобы стать альтернативной «точкой сборки» новой власти в условиях неоконфуцианской морали и традиций безусловной лояльности властителю. Номинально во времена сёгунатов сёгуна назначал император, пусть его полномочия и были скорее ритуально-декоративными. Таким образом, на начальном этапе после прихода к власти реформаторы, провозгласившие реставрацию Мэйдзи как возврат к древним истокам, избежали более значительных разногласий, которые бы возникли при создании такого альтернативного центра власти с нуля.

При этом проведение реформ было далеко не безоблачным с точки зрения обострения общественных отношений и конфликтов, включая самые трагические последствия⁷² для модернизаторов, игравших ведущие роли, — в частности, Сайго Такаори и Окубо Тосимити. Наряду с Кидо Такаёси (также известным как Кидо Коин), Сайго и Окубо, оба родом из Сацума, входят в число «трех выдающихся героев» реставрации Мэйдзи. Окубо — кстати, посетивший царскую Россию в рамках миссии Ивакура⁷³ — был сторонником индустриализации с ведущей ролью государства и постепенно сосредоточил значительные полномочия в рамках возглавляемого им могущественнейшего Министерства внутренних дел, включавшего самые разные функции (впоследствии они были выделены в пять отдельных министерств), что вкупе с его авторитарным стилем руководства давало поводы для обвинений в диктаторских замашках. В свою очередь, Сайго, бывший соратник Окубо по войне Босин и тоже один из ключевых деятелей мэйдзийского правительства, держал бразды правле-

⁷² На тему «темной стороны» и побочных эффектов модернизации см., например: *Травин Д.* Прекрасный модерн и ужасная модернизация // *Economy Times*. 10 декабря 2020 г.; URL: <https://economytimes.ru/gumanitarnyy-kontekst/prekrasnyy-modern-i-uzhasnaya-modernizaciya>.

⁷³ *Ковальчук М. К.* Миссия Ивакура в Санкт-Петербурге. Анализ впечатлений японских посланников о России сто тридцать лет спустя // Япония. 2002–2003. М.: Макс-Пресс, 2003. С. 238–255.

ния в период отъезда других лидеров в полуторагодовую «загранкомандировку» в рамках миссии Ивакура в 1871–1873 гг. — что отдельно говорит о высокой степени доверия между соратниками, готовыми поручить руководство Сайго на время своего длительного отсутствия всего через несколько лет после прихода к власти. Вместе с тем в 1873 г. в правительстве появились разногласия по вопросу отправки в Корею военной экспедиции, сторонником которой являлся Сайго. Еще одним камнем преткновения был вопрос о строительстве железных дорог: Сайго считал его чрезмерно затратным, а более приоритетным видел вопрос реорганизации армии⁷⁴. Не разделяя политику правительства, Сайго вышел в отставку и вернулся в Кагосима. Через девять лет после свержения сёгуна, в 1877 г., Сайго стал одним из лидеров Сацумского восстания против правительства Мэйдзи. Под руководством Окубо восстание Сайго было подавлено в том же году, в ходе чего Сайго погиб, однако и Окубо вскоре, в 1878 г., был убит группой бывших самураев в отмщение за Сайго.

Восстание самураев было вызвано недовольством, связанным со сменой их статуса и отменой привилегий; значительную роль сыграли и разногласия по вопросу военной экспедиции в Корею. Новое правительство, придя к власти в результате вооруженного конфликта с войсками сёгуна, в свою очередь, осознавало опасность сохранявшейся революционной армии. Апеллировав к древней традиции, по которой самурай в военное время должен был воевать, а в мирное — возделывать землю, в 1873 г. императорское правительство издало указ, вводящий призыв в армию. В нем же самураи критиковались за безнаказанность, высокомерие и леность. При том что правящее самурайское сословие составляло примерно 6–7 % от общего населения страны, на жалованье самураям на тот момент уходило 30 % расходов национального бюджета. Бюджет же по состоянию на 1873 г. был весьма ограничен: в том же году правительство ввело право частного землевладения, и основной статьёй государственного дохода стал земельный налог, а с другими источниками поступлений в бюджет было туго: внешнеторговые тарифы Япония не контролировала из-за неравноправных договоров, а современной промышленности еще толком не существовало.

Проводниками политики введения всеобщего призыва были такие мэйдзийские политики, как Омуро Масудзиро (по происхождению не

⁷⁴ *Hayashi Takeshi*. The Japanese Experience in Technology: From Transfer to Self-reliance: The Japanese Experience. Tokyo: United Nations University Press, 1990; URL: <https://archive.unu.edu/unupress/unupbooks/uu36je/uu36je00.htm#Contents>.

самурай) и Ямагата Аритомо (из низкоранговых самураев). К самурайской элите они относились критично, зная по собственному опыту обороны родного княжества Тёсю от сёгунских войск, что самураи могут быть неэффективными воинами, а войска из других сословий — напротив, успешно сражаться. Об эффективности призывной армии на тот момент свидетельствовал и опыт бисмарковской Пруссии. Сёгунаг Токугава в ходе своей начальной модернизации моделью избрал французскую армию, однако после Франко-прусской войны и реставрации Мэйдзи японские вооруженные силы стали организовываться по прусскому образцу. Введение призыва в Японии стало прелюдией к ликвидации самураев как сословия: в 1876 г. правительство запретило хранение холодного оружия всем, кому оно не полагалось по службе, выдало компенсационные займы и отменило жалованье — важную роль здесь сыграла решимость Окубо. Инфляция эти займы вскоре обесценила. Таким образом, с одной стороны, низкоранговые самураи, стоявшие у истоков реставрации Мэйдзи, в интересах модернизации упразднили свое же сословие. С другой стороны, учитывая, что бывшие самураи в результате модернизации успешно нашли себя на политическом, деловом, образовательном и других поприщах, такие реформы можно назвать перезагрузкой или самоперезагрузкой элиты.

Вышеупомянутая гибкость мэйдзийских политиков и внутриэлитный характер политической деятельности держали новую систему в динамическом равновесии. Раз правительство вводило сбор новых налогов и призывало более широкий круг граждан на войну, логичным ответным ожиданием было расширение политического представительства. Реакция на нововведения, недовольство самураев, после подавления Сацумского восстания осознавших невозможность вооруженного сопротивления реформам, и набравшее обороты «Движение за права и народные свободы», возглавляемое Итагаки Тайсукэ, бывшим членом правительства Мэйдзи и выходцем из самураев княжества Тоса⁷⁵, в конечном счете способствовали учреждению парламента и системы политических партий, хотя избирательный ценз долгое время был весьма высоким, а представительство — узким.

⁷⁵ Хотя княжество Тоса было среди основных противников сёгуната (в союзе с Сацума и Тёсю), в правительстве Мэйдзи ведущие позиции заняли Сацума и Тёсю, что, наряду с несогласием с некоторыми направлениями политики Мэйдзи, привело к выходу Итагаки Тайсукэ, основного представителя Тоса в правительстве, в отставку.

*Троцкий как советский «Сайго», Сталин как советский «Окубо»
и другая нетрадиционная компаративистика*

Известный государственный деятель конца XIX — начала XX вв. Гото Симпэй (1857–1929) в конце 1920-х гг. проводил примечательные, хотя и противоречивые параллели между советским правительством того времени и деятелями эпохи Мэйдзи. Так, Гото положительно отзывался о НЭПе, видя в нем аналог отхода Мэйдзи от изначального изоляционистского стремления к изгнанию иностранцев в пользу модернизации. После поездки в СССР — последней перед своей смертью — в 1928 г. Гото сравнивал Иосифа Сталина с Окубо Тосимити в плане консервативных тенденций, при этом считая Сталина способным на контроль политической ситуации после смерти Ленина. Троцкого же Гото уподоблял Сайго Такамори.

Рвение и усердие тогдашнего правительства СССР Гото сравнивал с «бусидо» — до этого он аналогичную параллель проводил с боевитым духом президента США Теодора Рузвельта. Хвалил Гото советское руководство за упор на «конкретные аспекты управления», а не на «общую политическую теорию», и за то, что это управление базировалось на «научных основах» — в частности, концепции Госплана, напоминавшей Гото собственный неудачный проект государственного «мозгового треста». Очевидно, что столетие спустя и задним числом эти сравнения выглядят крайне необычно, могут показаться натянутыми и недальновидными. Как было упомянуто выше, Сайго и Окубо погибли через 9 и 10 лет после революции Мэйдзи, и ни Окубо, склонный к авторитарному стилю управления, ни кто-либо другой из его коллег и соратников при Мэйдзи диктатором не стал. Однако важно учитывать время высказываний Гото — конец 1920-х — и контекст: связи Гото с СССР и возложение на него дипломатических поручений высокого уровня, предполагавших значительное внимание политесу. Кроме того, аудиторией Гото в данном случае были японцы, поэтому внутренняя логика в объяснении советских реалий в их ассоциативном переложении на знакомые японцам персоналии прослеживается. Как бы там ни было, сравнение японской модернизации с российской неизбежно включает в себя и советский период модернизации и помогает избегать издержек шаблонного или избыточно евроцентричного мышления. Любопытно, что подход Гото к СССР был выдержан вполне в последовательном духе отношения мэйдзийских модернизаторов к Западу:

«Добрые начинания, осуществленные в России, мы возьмем, а плохие можем отбросить. Почему не использовать то, что удалось в этой

лаборатории, именуемой Россией, выпитывать и, разжевав, использовать — разве не в этой миссии «Ямато миндзоку» (японского народа)⁷⁶.

Заключение

Итак, напомним основные моменты в истории японской модернизации XIX в., на которых в данной работе был сделан акцент. После внешнеполитического шока и кризиса, вызванного давлением со стороны США и Европы, и информацией о растущей колониальной зависимости Китая и других азиатских стран от Запада, японские элиты, имеющие некоторое представление о происходящем в мире, несмотря на самоизоляцию, осознали отставание своей страны и отошли от феодального патриониализма эпохи Эдо, построив современное централизованное государство и промышленный капитализм.

Осознание отставания, а также исторически особое положение Японии в системе международных отношений в Азии, чувство экзистенциальной угрозы, прагматичное отношение к заимствованиям извне при сохранении собственной субъектности и культурной идентичности способствовали стремительному, но выборочному внедрению элементов и достижений западной цивилизации, при этом локализованному, адаптированному под японские реалии. Для японцев того времени ориентиром выступал не Запад вообще как таковой, а именно сравнительно недавние достижения западной цивилизации, современной японцам второй половины XIX в., — как стадии развития, достижимой и для Японии.

Значительная часть политической элиты — выходцев из самурайского сословия — не только в общем и целом оказалась готова к разительным переменам в том числе в отношении своего положения (отмена жалованья и привилегий), но и, столкнувшись с сопротивлением этим переменам в своих же рядах, смогла его преодолеть без потерь для модернизации. Успешные преобразования, с одной стороны, опирались на наследие эпохи Эдо — «дивидендов» от более чем двух веков мирного

⁷⁶ *Kitaoka Shinichi*. Goto Shinpei, Statesman of Vision: Research, Public Health, and Development / transl. by I. Arthy. Tokyo: Japan Publishing Industry Foundation for Culture (JPIC), 2021. P. 125; Речь С. Гото в Осацком народном доме. 26 февраля 1928 г. // Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия: сборник документов, 1907–1929 / публикация В. Э. Молодякова. М.: АИРО-XXI, 2005. С. 306–308. Стоит отметить, что данная речь Гото в Осака была замечена советскими дипломатами в Японии и ее перевод был направлен в Народный комиссариат иностранных дел СССР.

развития, специфики прав собственности и структуры общества при патримониализме, — а с другой стороны, стали возможны благодаря гибкой и готовой к рискам политике реформаторов и специфике их внутриэлитного происхождения и внутривидовой конкуренции.

Оценивая задним числом то, чего модернизаторам не удалось, можно выделить проблемы с обеспечением стабильной системы дальнейшей передачи власти следующему поколению управленцев и неспособность предотвратить рост влияния, самоуправства и авантюризма армии как политического субъекта, превратившиеся потом в явление, известное как «японский милитаризм». Очевидно, что с временного горизонта 1860-х такой ход событий было невозможно предвидеть, поэтому, несмотря на роль политики «богатая страна — сильная армия», трудно говорить здесь и о какой-либо однозначной ответственности, умысле, predeterminedности и прямой, «монокаузальной» причинно-следственной связи между реставрацией Мэйдзи и японским милитаризмом. Стоит отметить, что на раннем этапе эпохи Мэйдзи возможность роста неподконтрольности армии в будущем вызывала тревогу некоторых политиков, таких как Окубо Тосимити и Ито Хиробуми⁷⁷. Выход армии из-под контроля правительства происходил наряду с ростом корпоратизма в японском обществе, коррупцией и все более высокой концентрацией финансово-экономических ресурсов у узкого круга лиц (напомним, что японские конгломераты дзайбацу вдохновлялись американскими корпорациями до того, как последние подверглись реорганизации согласно антимонопольному законодательству). Но и здесь важно помнить, что централизация ресурсов в довоенной Японии была результатом их максимальной мобилизации с целью догнать Европу и США.

По мнению американского политолога и политэконома, специализирующегося на Восточной Азии и Японии, Т. Дж. Пемпеля, одной из самых ярких характеристик японской политики с конца XIX в. до конца Второй мировой войны была сила и политическое влияние ее национальной бюрократии⁷⁸. Япония, с опозданием присоединившаяся к промышленной революции, вынуждена была «догонять» технологически более продвинутое национальные государства Запада. Сильная бюрократия была важным инструментом в усилиях по достижению этой цели. Мобилизация ресурсов с целью догоняющего развития в довоенный период

⁷⁷ *Kitaoka Shinichi*. Chapter 1. Meiji Revolution: Start of Full-Scale Modernization.

⁷⁸ *Pempel T. J.* The Tar Baby Target: “Reform” of the Japanese Bureaucracy. Democratizing Japan: The Allied Occupation / eds. R. E. Ward, Sakamoto Yoshikazu, University of Hawai’i Press, 1987. P. 159–187.

привела к внедрению более централизованных бюрократических моделей (типа Германии), а не децентрализованной американской модели.

Японский историк Симидзу Юитиро и вовсе выдвинул тезис, что формирование японской бюрократии во многом и было созданием самой японской «модерности», при котором личные амбиции, новые образовательные учреждения и бюрократические госструктуры взаимодействовали, чтобы сделать современную политическую систему основанной на привлечении талантов, а не статуса или происхождения, как то было в эпоху Эдо⁷⁹. В этом понимании современное централизованное государство и государственность как таковая, наравне с промышленным капитализмом, были основными ингредиентами «модерности».

Модернизация в виде «государства развития» (*developmental state*) сохраняла свой импульс и в послевоенной Японии. В ставшем знаменитым отчетном документе по экономике 1956 г. Японского управления экономического планирования говорилось, что эпоха послевоенного восстановительного экономического роста окончена и дальнейший рост должен поддерживаться модернизацией, для продвижения которой, в свою очередь, требуется быстрый и стабильный экономический рост. Проводились и сознательные, пусть и риторические, параллели с Мэйдзи, хотя, глядя из начала XXI в., налицо были и различия: в отличие от Японии эпохи Сёва, в мэйдзийской Японии не было доминирующей политической партии. В частности, в документе японских экономических планировщиков высказывалась следующая мысль:

«Модернизация — трансформация — это процесс самостоятельной реорганизации⁸⁰. Эта операция не обходится без боли. В первый год эпохи Мэйдзи наши предки провели эту операцию, чтобы преобразить отстающую аграрную Японию в промышленно развитую страну в Азии. Впоследствии с экономикой Японии не происходило серьезных структурных изменений, сопоставимых с этой переменой. И попытка избежать боли при реорганизации себя и реорганизации (трансформации) внешнего мира в соответствии со своими собственными условиями в конечном итоге привела к военной экспансии»⁸¹.

⁷⁹ Shimizu Yuichiro. The Origins of Modern Japanese Bureaucracy. London: Bloomsbury Publishing, 2019.

⁸⁰ Используемый в оригинале термин «кайдзо:» (改造) может переводиться как «реконструкция», «реорганизация», «перестройка» или «модернизация».

⁸¹ Сёва 31-нэн нэндзи кэйдзай хококу. Кэйдзайкикакүтё (Годовой экономический отчет, Управление экономического планирования, 1956 г.); URL: <https://www5.cao.go.jp/keizai3/keizai/wp/wp-je56/wp-je56-010501.html>.

Список основных японских выражений эпохи модернизации

Буммэй-кайка (文明開化) — «цивилизация и просвещение», термин, придуманный интеллектуалом Фукудзава Юкити и описывавший преобразования эпохи Мэйдзи, связанные с ознакомлением Японии с плодами европейской цивилизации и внедрением заимствований и технологий из Европы и Северной Америки.

Вакон-ё:сай (和魂洋才) — «японский дух, европейские знания» (вариант — «европейские технологии»): принцип заимствования западных знаний в ходе модернизации Мэйдзи с опорой на японское самосознание и в гармонии друг с другом.

Вакон-кансай (和魂漢才) — «японский дух, китайские знания»: выражение эпохи Хэйан (794–1185), сопровождавшейся ослаблением китайского культурного влияния и расцветом национальной японской культуры. Впоследствии послужил прототипом *вакон ё:сай* («японский дух, европейские знания»).

Дзё:и-фукко (攘夷復古) — изгнание варваров и восстановление старинных обычаев, старого порядка, императорского правления: один из лозунгов противников сёгуната Токугава.

Дзидзёдорёку (自助努力) — самовспомоществование, опора на собственные усилия, «помоги себе сам». Один из принципов в японской политике содействия развитию.

Сёкусан-ко:гё: (殖産興業) — «увеличивать производство, продвигать промышленность»: политика поощрения создания новых отраслей промышленности и в целом промышленного производства в ранее преимущественно сельскохозяйственной Японии.

Сонно:-дзё:и (尊王攘夷) — «почитание императора — изгнание варваров»: лозунг противников сёгуната Токугава в 1854–1860-е гг. после заключения сёгунским правительством договоров, сочтенных неравноправными (Япония лишалась права вводить тарифы, вводилась консульская юрисдикция для иностранных граждан), и объединения противников Токугава вокруг фигуры императора.

Сонно:-то:баку (尊王倒幕) — «почитание императора — долой сёгунат»: лозунг противников сёгуната Токугава.

Фуоку-кё:хэй (富国強兵) — «богатая страна, сильная армия»: слоган эпохи Мэйдзи, выражавший идею обогащения Японии за счет внедрения промышленного капитализма и усиления армии путем создания

современных вооруженных сил, основанных на призыве, а не на самурайском сословии.

Хоньякутэки тэкио: (翻譯的適応) — «переводное внедрение», «переводное переложение»: понятие, выдвинутое антропологом Маэгава Кэйдзи и означающее должный перевод и адаптацию заимствования к местным реалиям заимствующего — в противовес бездумной имитации или слепому копированию.

Литература

Антонов П. А. Концепции анализа элиты и политической власти современной Японии // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6.

Балаян А. Роль интеллектуалов в процессе модернизации Франции, Японии и Польши. (Препринт М-07/09. Центр исследований модернизации ЕУСПб.) СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.

Гайворонский К. Ну и кто тут азиат? // Republic.ru. 5 марта 2021 г.; URL: <https://republic.ru/posts/99748>.

История Японии. Т. 1. С древнейших времен до 1868 г.; Т. 2. 1861–1998 / под ред. А. Е. Жукова. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия: сборник документов, 1907–1929 / публикация В. Э. Молодякова. М.: АИРО-XXI, 2005.

Китаока Синъити. Нихон сэйдзиси: гайко то кэнрэку, дзохобан, Токио: Юхикаку, 2011; 2-е изд.: 2017.

Китаока Синъити, Нонака Икудзиро. Титоку кокка но ридасиппу. Токио: Нихон кэйдзай симбун, 2021.

Ковальчук М. К. Миссия Ивакура в Санкт-Петербурге. Анализ впечатлений японских посланников о России сто тридцать лет спустя // Япония. 2002–2003. М.: Макс-Пресс, 2003. С. 238–255.

Мецержаков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. 2-е изд. М.: Наталис, 2009.

Молодяков В. Э. «Мэйдзи исин» — консервативная революция // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 6.

Молодяков В. Э. «Школа национальных наук» и формирование японской идеи // Восток. 1994. № 3.

Молодяков В. Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М.: Восточная литература, 1999.

Молодяков В. Э. «Реставрация», «революция» или...? (К вопросу о характере «Мэйдзи исин» в контексте всемирной истории) // Восток (Oriens). 2002. № 3.

Молодяков В. Э. Мэйдзи исин: японская консервативная революция // Вопросы национализма. 2014. № 18. С. 141–164.

Накорчевский А. А. Синто. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2003.

Политическая система современной Японии: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2013.

Травин Д. Прекрасный модерн и ужасная модернизация // *Economy Times*. 10 декабря 2020 г.; URL: <https://economytimes.ru/gumanitarnyy-kontekst/prekrasnyu-modern-i-uzhasnaya-modernizaciya>.

Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. М.: Terra Fantastica; АСТ, 2004.

Федянина В. А. К вопросу о прекращении официальных отношений Японии с танским Китаем в IX в. // *Япония 2010*. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2010.

Шарко М. В. Исследование политических процессов Японии (Традиции и современность). Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2004.

Япония: 150 лет революции Мэйдзи. Исследования российских и зарубежных учёных, посвящённые 150-ой годовщине революции Мэйдзи // под ред. А. В. Филиппова, Н. А. Самойлова, Е. М. Османова. СПб.: Art-xpress, 2018.

Япония в эпоху великих трансформаций / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: АИРО-XXI, 2020.

Япония: опыт модернизации / руководитель проекта Э. В. Молодякова; отв. ред. Э. В. Молодякова, С. Б. Маркаръян. М.: АИРО-XXI, 2011.

Appadurai A. The Nine Lives of Modernization Theory // *Los Angeles Review of Books*. 2020. June 26; URL: <https://www.lareviewofbooks.org/article/the-nine-lives-of-modernization-theory/>.

Banno Junji, Ohno Kenichi. “The Flexible Structure of Politics in Meiji Japan”, Leadership Program Research Paper. N 1. Apr. 2010; URL: https://www.grips.ac.jp/teacher/oono/hp/docu02/meiji_dlp.pdf.

Fukuzawa Yukichi. An Outline of a Theory of Civilization. / transl. by D. A. Dilworth; G. C. Hurst III. New York: Columbia University Press, 2009 (Reprint of edition: Keio University Press, 2008).

Hayashi Takeshi. The Japanese Experience in Technology: From Transfer to Self-reliance: The Japanese Experience. Tokyo: United Nations University Press, 1990; URL: <https://archive.unu.edu/unupress/unupbooks/uu36je/uu36je00.htm#Contents>.

Huffman J. L. Review: “The Meiji Restoration: Monarchism, Mass Communication and Conservative Revolution by Alistair D. Swale” // *Monumenta Nipponica*. 2010. Vol. 65, N 1. P. 225–227.

Intellectual and Social Aspects of Modernization in Japan. Japanese Modernization Lectures Series. Tokyo: Open University of Japan, 2021.

Iokibe Kaoru. Independence and Opposition: Consequences of Treaty Revision in Meiji Japan // *University of Tokyo Journal of Law and Politics*. 2012. Vol. 9.

Jansen M. B. The Making of Modern Japan. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000.

Karube Tadashi. *Toward the Meiji Revolution. The Search for “Civilization” in Nineteenth-Century Japan* / transl. by D. Noble. Tokyo: JPIC, 2019.

Kayashima Nobuko. *Développement de l’Education au Cours de l’Ere Meiji (1867–1912): Modernisation et Montée du Nationalisme au Japon (Cahiers de l’IIEP. N 78)*. Paris: UNESCO Institut International de Planification de l’Education, 1989.

Kitaoka Shinichi. *The Political History of Modern Japan. Foreign Relations and Domestic Politics* / transl. by R. D. Eldridge, G. Leonard. London: Routledge, 2018.

Kitaoka Shinichi. *Goto Shinpei, Statesman of Vision: Research, Public Health, and Development* / transl. by I. Arthy. Tokyo: Japan Publishing Industry Foundation for Culture (JPIC), 2021.

Kitaoka Shinichi. Chapter 1. *Meiji Revolution: Start of Full-Scale Modernization // Seven Chapters on Japanese Modernization*. JICA-Open University of Japan. Makuhari, Chiba: BS231, 2021; URL: https://www.jica.go.jp/dsp-chair/english/chair/modernization/ku57pq00002mpdct-att/modernization_chapter_01.pdf.

Makihara Izuru. Chapter 11. *Modernization of Japan’s Administrative System // Seven Chapters on Japanese Modernization*. JICA-Open University of Japan. Makuhari, Chiba: BS231, Nov. 2020.

Maegawa Keiji. *The Continuity of Culture and the Civilization // Japanese Views on Economic Development*. London: Routledge, 1998. P. 166–177.

Matsubara Kentaro. *The Meiji Land Reform and the Formation of Modern Land Rights in Japan // Colonial Administration and Land Reform in East Asia* / ed. Sui-Wai Cheung. London: Routledge, 2017. P. 37–48.

Matsuda Koichiro. ‘Patriotism’ and ‘Nationality’ in the 19th Century Japanese Political Thought // *Patriotism in East Asia* / eds. Jun-Hyeok Kwak, Koichiro Matsuda. London: Routledge, 2014.

Matsuda Koichiro. *An Intolerant but Morally Indifferent Regime?: Heresy and Immorality in Early Modern Japan // Toleration in Comparative Perspective* / ed. V. Spencer. Lanham: Lexington Books, 2017.

Matsuda Koichiro. *Public Sphere and Political Criticism: From the Tokugawa Shogunate to the Meiji Period // Routledge Handbook of Modern Japanese History* / eds. S. Saaler, Ch. W. A. Szpilman. London: Routledge, 2017.

Matsuda, Koichiro. Chapter 8. *Intellectual and Social Aspects of Modernization in Japan // Seven Chapters on Japanese Modernization*. JICA-Open University of Japan. Makuhari, Chiba: BS231, Nov. 2020.

Murashkin N. *Japanese Involvement in Central Asia: An Early Inter-Asian Post-Neoliberal Case?* // *Asian Journal of Social Science*. 2015. Vol. 43.

Pempel T. J. *The Tar Baby Target: “Reform” of the Japanese Bureaucracy. Democratizing Japan: The Allied Occupation* / eds. R. E. Ward, Sakamoto Yoshikazu, University of Hawai’i Press, 1987. P. 159–187.

Reid A., Zheng Yangwen (eds.). Negotiating asymmetry: China's place in Asia (2009). Singapore: NUS Press, 2009.

Sakai R. K. The Satsuma-Ryukyu Trade and the Tokugawa Seclusion Policy // *The Journal of Asian Studies.* 1964. Vol. 23, N 3. P. 391–403.

Shimizu Yuichiro. The Origins of Modern Japanese Bureaucracy. London: Bloomsbury Publishing, 2019.

Swale A. D. The Meiji Restoration: Monarchism, Mass Communication and Conservative Revolution. London: Palgrave Macmillan, 2009.

Yoda Yoshiie. The foundations of Japan's modernization: a comparison with China's path towards modernization / transl. by K. W. Radtke. Leiden; New York: E. J. Brill, 1996.

Николай Мурашкин

**От Эдо к Мэйдзи: предпосылки, развилки и парадоксы японской
модернизации**

Препринт М-86/21

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А

books@eu.spb.ru

Подписано в печать 13.09.2021.

Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.

